

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Жрецы племени ацтеков
владели необычным
артефактом – музыкальным
инструментом в виде черепа,
способным убивать своим
звуком любого...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Смертельный инструмент ацтеков

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Смертельный инструмент ацтеков

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Смертельный инструмент ацтеков / Н. Н. Александрова —
«Эксмо», 2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-121628-3

Древние ацтеки изобрели необычный музыкальный инструмент, звук которого убивал и калечил. Он также был способен управлять любым человеком... Действие этого артефакта в наше время обнаружили полицейский Петя Лебедкин и его напарница, несравненная Дуся. Они расследуют интересное дело – непостижимым образом оказались связаны четыре незнакомые девушки, три из которых уже мертвы. Причем у погибших на лицах застыло выражение неподдельного ужаса, а барабанные перепонки лопнули...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121628-3

© Александрова Н. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Наталья Николаевна Александрова

Смертельный инструмент ацтеков

© Александрова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

– Фазитуллин!

Толстый, приземистый человек в черной стеганой куртке с капюшоном, с недовольно поджатыми мясистыми губами и маленькими острыми глазками заглянул в мусорный контейнер и снова заорал в пространство:

– Фазитуллин! Фазитуллин! Где тебя черти носят?

Тут же из-за угла дома появился долговязый смуглый тип в ватнике и высоких сапогах, с блином примятой кепки на голове. В руках у него была растрепанная метла.

– Я тут, Бориса Борисовича! – отозвался он на оклик начальника. – Как вы велели...

– Почему тебя вечно не дозовешься? Ты вообще чем занят? – набросился на него толстяк.

– Уборкой придомовой тер... территории! – произнес тот заученную фразу. – Как вы велели...

При этом он взглянул на метлу, как бы ожидая от нее подтверждения своих слов.

– Как вы велели! – передразнил его начальник. – Я, по-твоему, кто – управляющий ТСЖ или попугай дрессированный?

– Управляющий, – ответил Фазитуллин после недолгого, но напряженного раздумья.

– Значит, если я вывесил распоряжение, его надо неукоснительно исполнять, или как?

– Исполнять, Бориса Борисовича!

– А вот что тут напечатано? – строго спросил Борис Борисович и показал на приклеенную к контейнеру листовку.

Фазитуллин уставился на листовку, от усердия выпучив глаза, потом развел руками и смущенно проговорил:

– Мелко, однако, написано... не могу разбирать...

Борис Борисович увлекался листовками. Он старательно сочинял их, печатал на принтере и развешивал везде, где только можно. Это были инструкции по сортировке мусора и по пользованию лифтом во время стихийного бедствия, списки злостных должников по коммунальным платежам, запрещения выгуливать собак на газонах и в других недозволённых местах, а также производить шумные работы по выходным и по государственным праздникам.

Запрещения были обычные, строгие и особо строгие. Борис Борисович искренне считал, что чем больше таких листовок он развесил и чем строже эти листовки – тем лучше и успешнее его работа в качестве управляющего.

Несчастный Фазитуллин плохо читал по-русски и старался просто заучить содержание листовок, но их было слишком много, а память у него была уже не слишком хорошая.

– С кем работать приходится! – вздохнул управляющий. – Тут, Фазитуллин, русским по белому написано, что контейнер предназначен исключительно для мелкого бытового мусора, а бросать в него крупногабаритные предметы, и особенно строительный мусор, строго запрещено.

– Так точно, Бориса Борисовича, запрещено! – отчеканил Фазитуллин, преданно глядя на управляющего.

– А это тогда что?

Фазитуллин заглянул в мусорный контейнер и увидел там большой черный мешок.

– Мешок, – честно сообщил Фазитуллин.

– Без тебя вижу, что мешок! – рывкнул управляющий. – А что в этом мешке?

– Не могу знать!

– Не могу знать! Но видно же, что там не мелкий бытовой мусор, а крупногабаритный предмет. А может быть, даже строительный мусор. Как же ты, Фазитуллин, не уследил за жильцами? Как же ты допустил нарушение габаритов?

– Виноват, Бориса Борисовича!

– Виноват! – передразнил его управляющий. – Раз не уследил, значит, сам теперь с этим мешком разбирайся!

Фазитуллин перегнулся через край контейнера и опасно ткнул в край мешка. В этом месте мешок немного прорвался, и в разрыве было видно что-то розовато-белое.

Фазитуллин немного расширил разрыв... и отскочил от контейнера с испуганным лицом.

– Ты чего, Фазитуллин, скачешь тут, как заяц? – строго проговорил управляющий. – Что это у тебя такое лицо, будто ты пожарного инспектора увидел?

– Не инспектора, Бориса Борисовича! – пролепетал Фазитуллин дрожащим голосом.

– А кого? – Борис Борисович хотел, чтобы этот вопрос прозвучал насмешливо, но дрожащий голос Фазитуллина и его побелевшее лицо настроили его на серьезный лад.

– Там баба, Бориса Борисовича! – едва слышно проговорил Фазитуллин. – Голая и мертвая...

– Ты ничего не перепутал, Фазитуллин?

Прежде чем Фазитуллин подтвердил свои слова, Борис Борисович осознал, что его ждут неприятности. А возможно, даже очень большие неприятности.

На столе у капитана Лебедкина зазвонил телефон.

Лебедкин вздохнул, отодвинул сложный график, который он вычерчивал вторую неделю на большом листе миллиметровки, и снял трубку.

– Лебедкин слушает!

– Ага, слушай, слушай! – раздался в трубке ехидный голос дежурного по отделению Коли Еропкина. – Сейчас к тебе женщина одна подойдет, вот ее и послушай. А то она мне уже все мозги вынесла, а тебе все равно нечего делать...

В первый момент Лебедкин задохнулся от возмущения, потом все же нашел в себе силы и выпалил:

– То есть как это нечего? Почему это нечего? Да если ты хочешь знать, у меня работы выше крыши...

Но было уже поздно – Еропкин повесил трубку.

Лебедкин перевел дыхание. Ну что это такое, каждый раз на него спихивают все самое неприятное...

А все этот Еропкин. Парень-то он, конечно, неплохой, однако необязательный, рассеянный и с ленцой. Сам любит по коридорам болтаться да на кофе напрашиваться. Вот и вчера зашел и заныл: «Лебедкин, дай кофе, умираю, спать хочу!»

Он, Лебедкин, и сказать ничего не успел, как нахал в Дусин стол полез – у нее, мол, кофе всегда есть, и вообще сладкое. А Дуся не любит, когда в ее столе шарят, да кто такое любит-то? Еропкин залез, а попадет кому? Ему, капитану Лебедкину, поскольку Дуся хоть и хорошая баба, не вредная, но очень не любит беспорядка.

В общем, Лебедкин тогда наорал на Еропкина, потому что и так настроение на нуле было после визита к начальству. А Коля, конечно, затаил на него злость, вот и прислал проблемную посетительницу.

Все знают, что у Еропкина в этом смысле глаз-алмаз, сразу видит, спокойный гражданин попался или скандальный и настырный, от которого так просто не избавиться, будет ходить и ходить, все ноги стопчет и до самого высокого начальства дойдет.

Капитан Лебедин вздохнул тяжело и поерзал на стуле.

Тут в дверь его кабинета постучали.

Собственно, кабинет – это громко сказано. Это была маленькая, тесная и душная комната с единственным давно не мытым окном, и эту комнатку Петр Лебедин делил с Дусей.

А Дуся... Дуся – это отдельная тема для разговора! Причем очень большая тема... большая во всех смыслах этого слова.

Дуся Самохвалова была напарницей Лебедина, и все без исключения коллеги ему страшно завидовали. И тому было множество причин. Причем весьма веских.

Во-первых, у Дуси всего было много, она так себя и называла «сто килограммов женской красоты». Сто – это, конечно, шутка, преувеличение, но девяносто там точно было, а может, еще и с походом.

Дуся своего веса нисколько не стеснялась, а как раз наоборот. Все части тела у нее были под стать комплекции: глаза – как синие фарфоровые блюдца, волосы вились буйно и свободно, напоминая джунгли на Амазонке, губы полные, без всякого геля, а все тридцать два зуба сияли ослепительной белизной.

Улыбалась Дуся всегда широко и дружелюбно, и исходила от нее такая жизненная энергия, что все без исключения мужчины буквально падали на месте, увидев такое чудо природы.

Товарищи по работе, конечно, к Дусиному феномену уже привыкли, а новичков предупреждали заранее, чтобы те, встретившись с Дусей в коридоре, не застывали на месте столбом и не пилились потом вслед, пока кто-то проходящий мимо не толкнет плечом и не усмехнется: «Ну что, брат, и ты попался... Вот у нас Дуся какая...»

Вторая причина, а также третья, четвертая, пятая и так далее, по которым коллеги завидовали Лебедину, заключалась в том, что, кроме красоты, Дуся еще была умна, коммуникабельна, обладала спокойным ровным характером и не боялась никакой работы. Словом, не напарница, а чистое золото.

Многие в отделении считали, что капитану Лебедину незаслуженно повезло, и пытались Дусю сманить. Но Дуся, кроме всего прочего, была еще и верной.

С Лебединым они работали уже несколько лет, помогая и дополняя друг друга.

Как уже говорилось, мужчины Дусю обожали, женщины, как ни странно, тоже относились неплохо. Потому что Дуся никогда не говорила гадости за спиной и не отбивала чужих мужиков.

В работе со свидетелями ей не было равных, поскольку люди сами рассказывали Дусе все, что видели, и вспоминали все, что позабыли. Слушать Дусю умела.

Капитан Лебедин поглядел на пустой Дусин стул и загрустил. Его напарница сегодня отсутствовала по причине... нет, Лебедин такую причину принять не мог. И понять тоже.

Как уже говорилось, Дуся имела огромный успех у мужчин, которые просто не давали ей прохода. Спасало иногда удостоверение капитана полиции, отпугивало самых робких. Но далеко не всех. К тому же и сама Дуся вовсе не собиралась ограничивать свою жизнь работой. Нужно же и развлечься хоть иногда. И вот как раз напало на Дусю очередное увлечение, и она уехала с этим увлечением на выходные куда-то за город, да еще и отгулы прихватила, которые ей полагались за переработку в очередном удачно законченном деле¹.

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Камея римской куртизанки». Издательство «ЭКСМО».

Не то чтобы Петр ревновал Дусю к посторонним мужчинам, но за столько лет он так привык к ее оптимизму, к ее буйной энергии, к ее толковым советам, к ее бесценной помощи в делах, что был сегодня очень недоволен ее отсутствием.

Надо же, какой-то хмырь посмел ее куда-то увести!

И вот теперь он, Лебедкин, сидит один как перст в этом кабинете, похожем на стенной шкаф, и некому пожаловаться на интригана Еропкина и зловредную посетительницу.

В том, что от этой визитерши у него будут большие проблемы, Лебедкин почти не сомневался.

Итак, в дверь кабинета постучали, и капитан Лебедкин мрачно проговорил:

– Войдите!

Дверь открылась. На пороге возникла особа раннего пенсионного возраста, с короткой стрижкой ярко-рыжих волос, немного отдающих в малиновый оттенок. Щеки особы тоже были малиновыми. Вообще, малиновый, судя по всему, был ее любимым цветом. Во всяком случае, на ней были вязаная кофта того же возбуждающего оттенка да еще такой же шарфик.

«Фенолфталеиновый от щелочи малиновый», – вспомнил капитан школьную присказку и поежился. У него по химии никогда не было больше тройки.

В руках особа сжимала объемистую сумку из чего-то такого, что в прошлой жизни, безо всяких на то оснований, воображало себя крокодилом. Небольшие глаза особы пылали, в них горело чувство собственной значительности и неперенной правоты.

Войдя в кабинет Лебедкина, особа уселась на стул напротив капитана, положила сумку на колени, руки сложила на сумке и строго не терпящим возражений тоном отчеканила:

– Вот что хотите мне говорить, а только он ее убил!

– Кто убил? – спросил Лебедкин с безграничным, буквально ангельским терпением. – Кто убил и кого? И для начала – кто вы такая и зачем пришли в мой кабинет?

– Опять двадцать пять! – недовольно проворчала особа. – Я уже тому все сказала, и теперь снова повторять?

– Придется повторить. Ему вы, может быть, и говорили, но я пока что не в курсе.

– Значит, я – Рыжикова. Рыжикова Татьяна Степановна. Гриб такой есть – рыжик...

– При чем тут гриб? – усталым голосом переспросил Лебедкин. – Вы что, пришли о грибах говорить?

– Нет, не о грибах! – возмутилась Рыжикова. – Грибы тут ни при чем. Это я на всякий случай, если вы такой непонятливый. А пришла я заявить об убийстве...

– Об убийстве? – оживился Лебедкин. – Теперь давайте по порядку. Кого убили? Кто убил?

– Убили ее. Марианну. А убил, само собой, он... Олег, значит. Она его за мужа держала, только меня на мякине не проведешь. Не были они женаты. Вот что хотите делайте – а не были. Так, сожительствовали. Как сейчас называют – гражданский брак...

– Постойте! – Лебедкин почувствовал, как где-то в затылке от слов Рыжиковой сгущается боль, и поднял руку. – Постойте! Не торопитесь! Вы сказали, что убитую зовут... звали Марианной. Так и запишем. А фамилия у нее имеется?

– А как же! Фамилия у всех имеется. Вот я, к примеру, Рыжикова, а она, значит, Марианна – Ромашкина. А он, Олег – совсем наоборот, Барсуков. Так что ясно же – не были они женаты! Если бы были, у них бы одна фамилия была!

От слов Рыжиковой голова болела все сильнее. Есть такие люди – от самого их присутствия окружающим плохо становится. Их еще называют энергетическими вампирами.

У Петра Лебедкина возникло ощущение, что в комнате – не воздух, а какой-то густой, безвкусный и бесцветный кисель, от которого замедляются все движения и даже мысли.

С трудом сбросив это наваждение, он проговорил:

– А вы им кем приходитесь?

– А я им конкретно соседкой прихожусь. В соседней с ними квартире проживаю. Вот так их дверь, а вот так, значит, моя... прямо дверь в дверь, значит...

– Так вы заявляете, что конкретно видели, как гражданин Барсуков убил гражданку Ромашкину?

– Нет, чтобы видеть – нет, врать не буду. Что же он, совсем дурной – у меня на глазах ее убивать?

– Тогда вы видели ее труп?

– Чего нет – того нет!

– А тогда какие у вас основания утверждать, что он ее убил? – протянул Лебедкин и подумал, что непременно убьет Еропкина. Стукнет по голове электрическим чайником или лампой. Если, конечно, останется жив после этого разговора.

– А основания у меня самые основательные! – отчеканила Рыжикова. – Во вторник... то есть конкретно позавчера я слышала, как они ругались. Так ругались, что не приведи господь. Буквально самыми последними словами. А в среду ее дома не было. И сегодня ее нет. Вот скажите – куда она подевалась?

– Ну, мало ли куда... – протянул Лебедкин с плохо скрытой ненавистью. – Может, в гости уехала. Или по делам каким-нибудь. Мало ли дел у человека!

При этом он очень выразительно взглянул на часы, чтобы показать, что у него как раз много дел.

– Ага, в гости, как же! – передразнила его Рыжикова, не заметив его намека или не придав ему значения. – Не видела я, чтобы она из квартиры выходила.

– Ну, мало ли что не видели! Вы что же, всегда видите, кто входит или выходит?

Рыжикова ответила ему таким выразительным взглядом, который не нуждался в пояснении. Мол, а как же? Конечно, вижу! А потом она добавила, таинственно понизив голос:

– Чтобы она выходила – это я не видела. А зато видела, как он выходил. Прошлой ночью. И тащил здоровенный черный мешок для мусора. Как раз труп в нем мог бы поместиться.

– Вы фильмы детективные любите смотреть? – спросил Лебедкин усталым голосом.

– Ну, допустим, люблю, – осторожно ответила его собеседница. – Но только я не понимаю, при чем здесь это?

– Ладно, проехали, ни при чем.

– В общем, запишите ее приметы!

Лебедкин встряхнул головой, пытаясь сбросить тяжелое, мутное оцепенение, в которое вгонял его голос Рыжиковой, открыл блокнот и начал записывать.

– Лет ей примерно тридцать пять, волосы светлые, вот такие... – Рыжикова показала рукой чуть ниже плеча.

– Вот такие... – послушно записал Лебедкин и вздрогнул, увидев написанное. – Что значит – вот такие? До плеч?

– Немножко ниже. Глаза, значит, серые, рост средний. И еще непременно запишите, что татушка у нее вот здесь... – Рыжикова показала на ногу чуть выше колена.

– Тату, расположенное в нижней части бедра... – послушно записал Лебедкин.

– Ага, тату! – в восторге повторила Рыжикова. – Роза, значит, обвитая ленточкой, и на ленточке написано не по-нашему...

– Что написано?

– Ту би ор нот ту би! Это из Шекспира! – гордо заявила Рыжикова, весьма довольная, что может блеснуть эрудицией.

– Пойдите, а как же вы это разглядели? – Лебедкин поднял на Рыжикову измученный взгляд. – Это же на закрытой части тела! На невидимой посторонним!

– А чего тут разглядывать? – фыркнула свидетельница. – Это у кого закрыто, а она, Марьянка, вечно в таком коротком халате ходила, что не только тату, а нижнее белье, извиняюсь, видать! На лестницу выскочит – мусор там вынести или ко мне за солью, к примеру, – и халат вечно не застегнут, так что даже Роза Викторовна с верхнего этажа и то ей сказала: «Не простудитесь ли, Марьяночка, в такой холод полуголой на лестницу выскакивать?» Ну, это она потому сказала, что муж ее, Павел Яковлевич, как раз тут оказался и на Марьянины ноги загляделся. Ой, говорит, какая у вас татуировка интересная, только по-английски с ошибкой написано... «ор» неправильно. Марьяна тогда изогнулась – где, как... так что вообще все до самой попки видно стало. Никак не может быть, говорит, чтобы неправильно... Тут еще внук их, Данька, спустился, чтобы сумки тяжелые взять, потому что лифт не работал, вот все пешком и ходили по лестнице. Так Данька тоже на эту татушку уставился: «Точно, говорит, напарили тебя, Марьяна, в салоне этом, неправильно написали... они там все поголовно неграмотные». Тут как раз Роза Викторовна и вмешалась...

Лебедкин почувствовал, что еще слово – и он просто рухнет на пол от непрестанно усиливающейся головной боли. Или припечатает заявительницу этим вот металлическим дыроколом с Дусинога стола, ибо терпеть дальше ее голос, сыплющий незнакомыми именами, он не в состоянии.

Однако мысль о Дусе привела его в чувство, и он сумел взять себя в руки.

– Гражданка Рыжикова, давайте закругляться, – сказал он по возможности твердо. – Я вашу информацию зафиксировал и принял к сведению...

– Что значит – к сведению? А как же арестовать его? Сожителя Марьянкиного?

– Ну, это не так просто... для этого у нас нет достаточных законных оснований...

– Почему это нет, когда очень даже есть?

– Вы же сам факт убийства не видели, да?

– Ну, допустим, не видела, – неохотно призналась Рыжикова.

– И трупа как такового у нас тоже нет...

– Я же говорю – он его ночью вынес...

– Вы видели только, что он вынес мешок, а что в этом мешке было, вы не знаете...

– Ну да, а что еще он мог такое большое выносить, да еще ночью? Ясное дело – труп!

– Мало ли что... может, мусор какой-нибудь. Короче, мы не имеем никаких оснований считать, что имеет место убийство. И вы не имеете. Вы можете только заявить, что она... гражданка Ромашкина, исчезла. Так это и то непроверенные сведения. Но заявление об исчезновении человека мы можем принять только по прошествии трех суток, и только от близкого родственника, а вы ей не родственник, правда?

– Правда, – неохотно признала Рыжикова.

– Ну, вот видите!

– Ничего я не вижу! Вижу только, что вы не хотите принять меры по моему сигналу!

– Ну, я же ваше заявление записал. Больше ничего сделать не могу. Давайте ваш пропуск, я подпишу.

Рыжикова неохотно протянула ему пропуск, Лебедкин поставил на нем время и расписался. У него оставалось какое-то странное чувство незавершенности, поэтому он добавил:

– Кстати, давайте уж запишем и ваш адрес.

– Мой? Зачем это вам мой адрес? – насторожилась Рыжикова.

– Ну, то есть адрес, по которому проживала предполагаемая жертва. Марианна, да? Эта, как ее... Ромашкина.

«Как мило, – сказала бы Дуся, – фамилия такая приятная...»

– А, вот это другое дело! – оживилась Рыжикова.

Она продиктовала ему адрес и ушла, ужасно недовольная.

Лебедкин попытался вернуться к своему графику, но после визита Рыжиковой работа не шла – болела голова и перед глазами плыли разноцветные пятна. Нет, все-таки эта посетительница точно настоящий энергетический вампир. Человека чуть до сердечного приступа не довела, а сама как огурчик.

Он подумал, что хорошо бы выпить кофе, немного взбодриться, и вышел из кабинета.

Кофейный автомат стоял возле комнаты дежурного. Дверь была приоткрыта, из-за нее доносился голос Коли Еропкина.

Лебедкину захотелось немедленно высказать Коле все, что он о нем думает. Вот какого черта он прислал к нему эту Рыжикову? Ну, понятно, хотел от нее отделаться, но надо же и совесть иметь! Они же все-таки коллеги, делают одно большое общее дело, значит, не нужно друг друга подставлять...

А он, Лебедкин, наорал тогда на Колю за дело, и пускай спасибо скажет, что Дусе не станет жаловаться.

Он толкнул дверь и вошел в дежурку.

Коля разговаривал с кем-то по телефону, причем разговор был сугубо деловой.

– Что, документов при ней никаких? Вот черт! И даже одежды? Так в мешке голая и лежит? Вот зараза! Опять дохлое дело!

Подняв глаза на Лебедкина, Еропкин сделал ему знак, что занят. Лебедкин развернулся было, чтобы выйти – работает человек, незачем его отвлекать...

Коля же продолжал свой разговор:

– Неизвестный, значит, труп... ну, ты только подумай! Опять двадцать пять! Опять висяк! И никаких особых примет? А, тату есть? Ну, тату сейчас у каждого второго трупа... на нижней части бедра? Роза? Так у каждого третьего роза... сейчас уж скорее можно отсутствие тату считать особой приметой. Ладно, я все записал...

Еропкин повесил трубку и поднял глаза на Лебедкина.

Заметив странное выражение его лица, усмехнулся:

– Ну, не обижайся. Очень уж она меня достала, баба эта малиновая... А мне, между прочим, работать надо...

– А мне, значит, не надо? – машинально отбил Лебедкин, хотя мысли его были заняты другим.

– Спровадил ты ее?

– Спровадил...

– Ну и хорошо!

– Постой, а о чем это ты сейчас говорил? – Лебедкин кивнул на телефонный аппарат.

– А, это... труп неопознанный нашли в мусорном контейнере. Глухое дело – ни документов, ни одежды. Личность установить не представляется возможным.

– Ты сказал – тату на нижней части бедра?

– Ну да, тату, в виде розы... но сейчас таких тату столько... тоже вряд ли поможет ее опознать.

– Роза? А, случайно, ленточкой не обвитая?

– Обвитая. А ты почему знаешь?

– А на ленточке имеется надпись на иностранном языке?

– Имеется... – Еропкин подозрительно взглянул на коллегу.

– Ту би ор нот ту би? И слово «ор» с ошибкой написано?

– Да черт его знает! – машинально отмахнулся Еропкин и тут же опомнился. – Петька, да ты что – подслушал, что ли? Или тебе про этот труп уже рассказали? Кто это успел?

– Мне про этот труп только что рассказала та самая гражданка Рыжикова, которую мы с тобой благополучно отфутболили. Так что труп этот можно считать опознанным. Это Марианна Ромашкина, проживающая... то есть проживавшая по такому-то адресу...

– Вот черт! – изумленно ахнул Еропкин. – Интересно, эта Рыжикова уже ушла?

По закону свинства посетительница Рыжикова, плавно перешедшая в разряд свидетелей, уже ушла. Лебедкин отправился к себе, забыв выпить кофе.

Все плохо, думал он, у него, Лебедкина, сейчас, конечно, есть текущие дела, но все мелкие, незначительные, так что не миновать ему этого дела с трупом из мусорного контейнера. Снова придется иметь дело с той противной малиновой бабой-свидетельницей, а уж она обязательно выскажет ему все, что думает по поводу сотрудников полиции, которые норовят спроводить честную законопослушную гражданку, пришедшую заявить об убийстве.

И вот если бы на его месте была Дуся, то она уж сумела бы расстаться с этой самой Рыжиковой лучшими друзьями.

Но Дуси нет, она в данное время устраивает свою личную жизнь где-то далеко за городом. И телефон отключила. Да он, Лебедкин, и не стал бы ей звонить, он со своими неприятностями и сам как-нибудь разберется. Не маленький.

Что это дело сулит ему большие неприятности, Лебедкин теперь знал точно. Уверен был, что начнутся они очень скоро.

Предчувствия его не обманули, потому что через некоторое время его вызвали к начальству.

А там начальник, которого все по старой памяти считали еще новым, хотя уж прошло довольно времени с тех пор, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение, даже не поинтересовался текущими делами капитана, а просто велел брать на себя сегодняшний труп женщины из мусорного контейнера.

– Вы ведь уже опрашивали свидетельницу? – спросил начальник, и Петр понял, что и тут без Еропкина не обошлось.

Он тихонько скрипнул зубами и молча кивнул, чтобы не выругаться вслух.

– Ну вот, вам и карты в руки, – ровным голосом сказал начальник, и Лебедкин в который раз удивился, до чего у него пустые глаза. Не от глупости пустые, а от невыразительности. Ничего нельзя было по ним прочесть, во всяком случае, он, Лебедкин, и не пытался. Может, Дуся что-то там разглядит?

Хотя Дуся тоже затруднялась с определением начальника. На нее, кстати, начальник не реагировал. Был вежлив и не настолько холоден, как с остальными, а это о чем-то говорит. Так что иногда капитан Лебедкин всерьез подумывал, уж не робота ли им прислали вместо Медведкина. А что, в целях эксперимента... говорят же, что идут разработки искусственного интеллекта...

Ну, сами посудите, всегда в костюме и при галстукe, прическа – волосок к волоску, как будто к голове приклеенная, пиджак непременно на все пуговицы застегнутый, голос никогда не повышает, в глазах ничего не светится... – ну, вылитый робот.

Петр поделился своей идеей только с Дусей, зная, что она болтать не станет, а то и схлопотать можно от начальства-то...

– Идите, капитан, и работайте, дело это будет на особом контроле, – напутствовал его начальник, и Лебедкин, вспомнив Дусины наставления, молча вышел.

Дуся велела ему с начальством никогда не спорить, а только кивать и отвечать «так точно» и «будет сделано», а все вопросы решать потом в рабочем порядке.

– Ну что, Петя, скучаешь без Дуси? – сказала в приемной секретарша Софья Павловна, жалостливо глядя на Лебедкина.

Софья Павловна была дама суровая, и к сотрудникам относилась не слишком любезно, глядя с легким презрением на этих горластых, непричесанных и нахальных индивидуумов, однако с Дусей после некоторых событий находилась в нежнейшей дружбе².

И часть своих теплых чувств перенесла на капитана Лебедкина, оттого и посочувствовала сейчас ему, одинокому и неприкаянному.

– Когда она вернуться-то обещала? – спросила Софья присевшего рядом Лебедкина.

– В конце недели... – вздохнул он и умял половину банана, подставленного ему Софьей Павловной.

– А ты хахаля-то ее видел? – не смогла она удержаться.

– Да видел один раз, когда он ее на машине подвозил...

– Из себя-то он какой – блондин, брюнет? – оживилась Софья Павловна.

– Блондин... – уныло ответил ей Лебедкин, – или брюнет... Да не помню я!

– Ну тогда иди, Петя, к себе! – велела Софья Павловна. – А то наш скоро на совещание в управление поедет, так чтобы тебя не увидел. Иди уж от греха...

И капитан поплелся к себе.

По дороге он позвонил в криминалистическую лабораторию, и там ему нелюбезно ответили, что трупов много и оперативников много, а экспертов мало и что ишь чего капитан захотел – подавай ему отчет о свежем жмурике буквально сегодня. Да с дубу они там все рухнули или со вчера не проспались, что такое просят? Да у нас очередь на неделю!

И так далее, только другими словами, так что капитан и слушать не стал.

По дороге он остановился у кофейного автомата, но и тут поджидало его разочарование: автомат был сломан, так что Лебедкин поплелся к себе, уныло шаркая ногами.

Жизнь казалась ему серой и безрадостной, работа – скучной, а сам он чувствовал себя старым и никому не нужным.

Он обвел взглядом крошечный кабинет и со вздохом открыл записи допроса гражданки Рыжиковой. Именно там был записан адрес потерпевшей Ромашкиной Марианны Сергеевны, а также номер квартирного телефона.

Как и ожидалось, трубку никто не снял.

Лебедкин совсем приуныл, и тут распахнулась дверь, и вошла Дуся. В кабинете сразу стало тесно, как в купе поезда дальнего следования, поскольку Дуся, как уже говорилось, была женщина, мягко говоря, в теле.

То есть в отношении Дуси никаких мягких выражений употреблять было не нужно, она своего веса нисколько не стеснялась. Больше того – рассматривала его как несомненное достоинство.

– Дуся! – Лебедкин вскочил было с места, но тут же сел обратно, поскольку Дуся заняла все свободное пространство. И несвободное тоже заняла.

– Дуся! – Теперь в голосе капитана зазвучали проникновенные нотки. – Дуся, ты вернулась! Насовсем?

– Ага! – Дуся сняла пальто и аккуратно повесила его на плечики, что болтались на гвозде, прибитом к стенке шкафа. – Насовсем!

– А-а... ведь ты же собиралась до конца недели... – пробормотал Лебедкин.

Будь на его месте Софья Павловна или любая другая женщина, она бы сразу догадалась, что расспрашивать Дусю не следует, что раз вернулся человек раньше срока, стало быть, что-то пошло не так и незачем давить на больное место. Но мужчины – существа неделикатные, так что простодушный капитан Лебедкин хоть и обрадовался Дусе, но ждал объяснений.

– Петька, не смотри на меня так умильно, как на своего кота Марсика! – рассмеялась Дуся, как уже говорилось, она всегда была весела и приветлива. Сейчас, конечно, не в таком

² Читайте об этом в романе Н. Александровой «Перстень Ивана Грозного». Издательство «ЭКСМО».

хорошем настроении, но Лебедкин этого не заметил. – Я что – не вовремя вернулась? Я помешала каким-то твоим планам?

– Что ты! – Лебедкин прижал руки к сердцу и снова попробовал встать, но Дуся махнула рукой, чтобы не заморачивался.

– Ладно, вижу, что не отстанешь. – Дуся выставила на стол контейнер, из которого уповательно пахло выпечкой и сладким. – Быстро давай за водой, вечно у тебя чайник пустой!

Лебедкин рванул в коридор и по закону свинства столкнулся с начальником, который как раз шел к выходу.

Будь на месте нового полковник Медведкин, он бы гремел уже на все отделение, изрыгая проклятия. Но этот только бросил взгляд, и ни один мускул на лице не шевельнулся.

«Точно, робот он... – в который раз подумал Лебедкин. – Или этот, как его... андроид».

В контейнере оказались пирожки, плюшки с корицей и песочные коржики, все домашнее и дико вкусное.

– Ой, Петька, ты не поверишь! – Дуся подвинула ему бумажную тарелочку, она любила, чтобы все было аккуратно. – Такая история... самой смешно...

– Излагай! – невнятно велел Лебедкин, рот его был набит вкусностями. – По порядку...

– Значит, пригласил меня Артур, ну, ты его видел пару раз, значит, пригласил он меня с родителями своими познакомиться. Мы, говорит, уже два месяца встречаемся, нужно к делу серьезно подходить.

– Ты что – замуж собралась? – удивился Лебедкин. – Вроде я раньше за тобой такого не замечал.

– Да что ты! Нет, конечно! Тем более за Артура этого. Но интересно мне стало, потому что... вот ты видел, какая у него машина?

– Ну, видел... – вздохнул Лебедкин. – Мне, чтобы такую заиметь, пять лет работать надо, и это если не пить, не есть...

– И котика не кормить! – подтвердила Дуся. – И то не хватит. Да, так вот интересно мне стало на богатый дом посмотреть. И вообще... Тут как раз отгулы накопились, я и согласилась. Ну, поехали мы. Это в северном направлении, по трассе «Скандинавия» нужно ехать в сторону Выборга, но, не доезжая, свернуть, там дорога специально проложена в поселок. Поселок новый, все дома большие, красивые, но это я потом уж видела, а пока остановились мы у шлагбаума – там охрана, все как положено. И смотрю, выходит из будочки Витька Масляков, помнишь его? В соседнем отделении работал, лет пять как уволился.

– Помню, худущий такой, как скелет, был. У меня сто сорок рублей занял, да так и не отдал, паразит.

– Ну вот, он самый, только здорово растолстел от спокойной жизни в охране. И то сказать – сиди себе в будке, нажимай кнопку, чтобы шлагбаум поднять, а зарплата идет. Приближается, значит, Витька к машине, потому как у них порядок такой – у нового человека документы обязательно проверить. Ну, меня увидел, глаза вытаращил, рот разинул, чуть не обниматься собрался. Я ему мигаю – так сразу понял, видно, не совсем там заплесневел, выучка прежняя осталась. Ничего не сказал, паспорт унес, чтобы проверить, а когда вернул – смотрю, а там бумажка с номером телефона и написано: «На всякий случай». Может, думал, что я не просто так в гости, а под прикрытием работаю.

– А ты хахалю своему, Артурчику этому, не сказала, что в полиции работаешь?

– Да что ты, зачем мне это надо! Некоторые сразу пугаются, а на этого у меня виды были на долгосрочное знакомство. Подъехали мы к дому. Машина такая – ужас! Но красиво, сад ухоженный, прислуги всякой немерено. Машин во дворе тоже прилично стоит, гости, значит. Оказалось, у его матери день рождения, а мне Артур и не сказал ничего. Хорошо, думаю, что платье приличное взяла.

– И что дальше было? – Лебедкин ненавязчиво придвинул к себе коробку с остатками выпечки.

– Кушай, Петя, кушай! Это мне сегодня кухарка их дала. Славная женщина, печет хорошо... Ну, значит, мамаша его – это что-то. Лет ей, судя по сыночку, которому тридцать один (я паспорт видела), уж не меньше пятидесяти, а то и побольше. Но худая вся и жилистая, как пожилой страус. От фитнеса разного и всего остального. Морда вся натянутая. Меня увидела – хотела перекошиться, да никак.

– Ботокс не позволяет?

– Да там много всего... В общем, сразу ясно, что дружбы у нас с ней не получится. Однако сразу гадости она говорить не стала, зубы сжала и даже оскал какой-то из себя выдавила вроде улыбки. Ну, остальные гости на меня смотрят, перешептываются.

– А мужики к тебе как? – оживился Лебедкин.

– Да как обычно! Только какие там мужики-то... У этой мамашы муж затюканный, бессловесный, тихо себя ведет, незаметно, еще пара-тройка таких же да дед Артура, старый совсем, в инвалидном кресле его возят. Ну, слышу я, как мамаша Артура сквозь зубы шипит: «Потом поговорим». И Артурчик сразу меньше ростом стал, скукожился весь. А раньше все хвост распускал передо мной – я то, да я се... Ну, думаю, проведу как-нибудь времечко да и дам ему от ворот поворот. Какие мои годы, найду себе кого получше... с этим проблем не будет...

– Это точно... – Сытый и счастливый Лебедкин погладил Дусю по руке.

– А потом приезжает мамашина сестра с новым хахалем. Она мамашы и моложе-то года на два (мне Артур потом сказал), а по виду – так и на все десять. Денег много первый муж оставил, вот она их на себя любимую и тратит. Ну, тут, конечно, высшего качества все, зачем зря хаить. И бойфренд моложе ее лет на двадцать. Красавчик такой, внимательный, по ручке ее все время гладит – в общем, все ясно. К вечеру за стол позвали, речи всякие, тосты, поздравления, мамаше подарок от мужа и сына – серьги бриллиантовые, вот такие камни! – Дуся показала какие. – Красивые сережки, что и говорить, и дорогие страшно. У мамашы даже улыбка настоящая на лице прорезалась, когда серьги надела, и ботокс не сдержал. Ну, Артурчик мой сдулся, так что я решила сама развлекаться. Поела вкусно, говорила уже, что кухарка у них отлично готовит, рассмотрела картины на стенах, по дому погуляла немножко, прихожу – у них танцы. И этот сестрицын хахаль молодой уж так ее обхаживает, что даже слишком. Явно переигрывает. И перехватила я взгляд старика этого, их папаши. Вижу, что противно ему, и пробормотал он что-то похожее на «прохвост». Что ж, я тоже так посчитала, да только мое какое дело? Я – человек посторонний... Да, забыла сказать, мамашу зовут Алевтина, а сестру ее Эвелина. Я от скуки с дедом-инвалидом парой слов перекинулась, он говорит – жена покойная так назвала, его не спросила. Значит, так вечер и прошел. Кое-кто из гостей уехал, а сестра с хахалем и мы с Артуром остались. Дом большой, роту солдат запросто разместить можно. Я с Артуром отношения выяснять не стала – и так все ясно, мамочка меня не одобрила. А он что-то пытался мямлить, да я заснула. А под утро уже просыпаюсь – что-то мне маятно.

– От еды вкусной. – Петр не удержался от ехидства.

– И вовсе нет! – удивилась Дуся. – С чего это мне от еды плохо станет? Нет, если честно, то от шампанского. Я как шампанского выпью – так икаю. А тут не удержалась, потому что какое-то дорожущее шампанское у них было... «Мозт и Шандон», вот!

– И как оно тебе?

– Да по мне-то, разницы никакой с нашим обычным! А если полусладкое, так даже лучше. Вот, значит, проснулась я и думаю, где бы водички выпить. Вышла спросонья в коридор и увидела тень какую-то, что от мамашиней спальни метнулась. Прислушалась – вроде все тихо. Ну, думаю, показалось со сна-то.

– Да что ты, Дуся, тебе никогда ничего не кажется!

– Угу, ну, в общем, сообразила я в ванной из крана попить, чтобы по чужому дому не шляться ночью. Утром встали к завтраку, а мамаша снова вся расфуфыренная и серьги те надела. Видно, никак не может с ними расстаться.

– Дурной тон – утром бриллианты носить! – хмыкнул Лебедкин.

– Ой, Петя, какой ты умный... Ну, мне-то что до сережек чужих. Значит, сидим, ждем, когда завтрак подадут, а сестры с хахалем нету. Потом слышим шум, стук, он на нее орет – раз так, то ты меня никогда больше не увидишь! И – на выход, и – в машину свою садится, и – ворота открыть требует! Эта Эвелина приходит вся красная, в пятнах. Что такое? Мамаша к окну подбежала, ой, говорит, уезжает... А я смотрю на серьги, и что-то мне подозрительно. Помнишь, когда в прошлом году ювелира одного... как его... Лейбовича ограбили?

– И он потом на тебя запал... по ресторанам водил, в отпуск звал вместе съездить...

– Да он старый уже, под шестьдесят ему! В общем, кое-что интересное он мне рассказал. И показал, как бриллианты от подделки отличить – прежде всего по тому, как свет в них отражается.

– У тебя, Дуся, глаз-алмаз, раз такое со стороны заметила!

– Да нет, просто такая халтурная подделка оказалась – ребенок и то заметил бы! Лейбович говорил – такие умельцы есть – нипочем простым глазом не отличить!

– Ну и что дальше было?

– А что дальше? Мамаша стала сестру утешать, а сама, вижу, злорадствует тихонько. Еще вечером я заметила, что она сестре завидует – та и моложе, и выглядит не в пример лучше, и хахаль опять же молодой-красивый. «Что, Эвелиночка, случилось, – квохчет, – ты прямо сама на себя не похожа...» Так что даже мне противно стало, хоть я тут совсем чужок посторонний... Несмотря на такое, я подсела, чтобы сережки разглядеть, и подозрения мои только усилились. С другой стороны, тот же Лейбович говорил мне, что умные-то женщины бриллианты в сейфе хранят, а носят подделки качественные. Может, думаю, мамаша тоже так делает? А потом вспомнила, что серьги эти ей только вчера подарили, так когда же она успела копию заказать? Что-то не складывается... Тут сестра ее, Эвелина, фыркнула, с места вскочила, заорала, чтобы Алька ее в покое оставила и едва по морде ей не съездила. Мамаша отскочить не успела, в общем, собрались они драться. Артур, конечно, подбежать хотел, но по дороге на меня наткнулся.

– Я себе представляю! – Лебедкин откровенно веселился.

– Не представляешь! – отмахнулась Дуся. – Короче, такое там началось, еле разняли мы их, только когда дед Артура по столу сахарницей стукнул и разбил ее на фиг.

– Соображает, значит, а ты говорила, что он инвалид!

– Так это ноги у него не ходят, а голова вроде в порядке! В общем, у младшей сестры клок волос выдеран, а у мамыши серьга свалилась. Я на нее и наступила ненароком.

– И что?

– В крошку!

– Ой, не могу!

– Ага, тут мамаша было на меня заорала, а после сообразила, что что-то не то. Все же как-то в бриллиантах разбирается, знает, что ничего тверже их нету. Вторую серьгу из уха вытащила – это, говорит, что такое? Да не мужу отчего-то претензии предъявляет, а старикану, папаше своему. Он и нахмуриться не успел, как я сообразила, чью тень ночью у мамышиной спальни видела. Вспомнила, что мне Витька Масляков свой номер дал, позвонила ему. «Витя, – говорю, – сделай такое одолжение, сейчас машина поедет мимо, так ты шлагбаум ненароком опусти и скажи, что сломался он. Задержи машину так ненавязчиво, дураком притворись». – «Сделаем, – говорит, – Дуся, вот как раз та машина скоро подъедет». Убрала я телефон, оглянулась, а семейка вся на меня уставилась. Я и говорю, что видела ночью, как кто-то возле спальни хозяйской ошивался. Эвелина опять орать начала и бесноваться, так что

Артур с папашей едва ее удержали. А дед все понял. «Ты кого, – говорит доченьке младшей, – такая-сякая, в дом привела? Ты где его подхватила? Иначе с чего бы это он вдруг сорвался, на тебя обиравшись? От сытой жизни-то кто просто так побежит?»

– Здравое дед рассуждает, все сразу просек, даром что инвалид...

– Ага, но тут я вмешалась: «Потом, – говорю, – разбираться станете, а сейчас как бы не упустить ворюгу, что сережки подменил». Тут мамаша вступила. «А не ты ли сама все задумала, – спрашивает, – мы тебя знать не знаем, только ради сына в дом и пустили».

– Так и сказала? – ахнул Лебедкин. – Ну и ну!

– Ну, пришлось тогда им удостоверение предъявить, мамаша прямо синяя вся стала. А папаша – в машину, Артура с собой, и я еще с ними. Доехали быстро, папаша тихий-тихий, а просто асом оказался, ну дорога-то у них отличная. На выезде скандал: этот прохвост кричит, чтобы открывали немедленно, а Витька отлаивается. Прихватили мы его, я – удостоверение в нос, он тут же и спекся. Вообще, таким трусом оказался, если бы посмелее был да порешительнее, то снес бы шлагбаум напрочь да и уехал, пока мы не подоспели. А он не решился. Ну, дальше все просто, нашли у него сережки те, он тут же признался, что его наняли специально для этого. Он, значит, познакомился с этой дурой Эвелиной, а про нее все знают, что она до молодых парней охоча, она его в дом сестры и привела. Он ночью сережки подменил на копию, понятия не имел, что мамаша их с утра наденет. А сам притворился, что обиделся, да и уехал. Раньше никак не мог, у них, видишь ли, ночью шлагбаум запирают, просто так не откроют, если только по срочной надобности: «Скорая» там или, не дай бог, пожар. А днем выезжающих не проверяют. Ну, привезли мы его в дом, а там семейка уже круговую оборону заняла. Мамаша на пороге стоит, руки на груди сложила вот так. «Мы, – говорит, – вам, конечно, очень благодарны, но дальше все сами решим». Да мне-то что, сами так сами. «Ну, – говорю, – тогда я уж поеду, только вещи соберу». – «Это, – говорит, – горничная все сделает». Артур как мамашу увидел – так сразу испарился, как не было его.

– Паршивец какой! И даже спасибо тебе не сказали?

– Не-а, а я чувствую – есть хочу, умираю прямо! Завтрака-то так и не дали. Пока ждала сумку, кофе на кухне напилась, да кухарка еще с собой вот это дала... – Дуся посмотрела на опустевший контейнер, – а потом Витька звонит: «Я как раз со смены, тебя подвезти?» – «А как же, – говорю, – как раз ты вовремя». Ну и вот, решила на работу с полдня выйти, чего отгулу-то пропадать...

– Ну, отдохнула ты по полной программе! – веселился Лебедкин. – Надолго запомнишь богатеньких этих!

– Да брось ты, нечего там вспоминать! – отмахнулась Дуся. – Так что давай излагай свои новости!

И капитан выложил ей все: про коварного интригана Еропкина, про малиновую свидетельницу, про найденный труп в мусорном контейнере и про то, что дело это поручили как раз ему, Лебедкину.

– Ну, Петька, оставить тебя на пару дней нельзя! – рассмеялась Дуся. – А что ты так расстраиваешься? Судя по всему, муж ее прикончил, значит – дело быстро закроем.

Она позвонила экспертам и тут же договорилась насчет опознания трупа, найденного в мусорном контейнере.

Лебедкин привычно поразился, как быстро у нее все получилось.

– Давай, Петя, звони, может, он дома... а нет, то я мобильный его быстро выясню!

Как обычно, в присутствии Дуси Лебедкину дышалось легко, как после грозы. И небольшая частичка ее жизненной энергии передалась ему. Поэтому он на всякий случай набрал номер домашнего телефона предполагаемой покойницы Ромашкиной.

Из трубки понеслись длинные гудки, и капитан уже хотел ее повесить, как вдруг раздался щелчок, и мужской голос проговорил:

– Слушаю!

– Гражданин Барсуков? – осведомился Лебедкин, придав своему голосу служебную твердость.

– Ну, я... – опасливо признались в трубке, – а это кто? Если это опять стоматология, я буду жаловаться...

– Нет, это не стоматология! Это капитан Лебедкин, полиция!

В трубке испуганно хрюкнули, затем, после небольшой паузы, тот же голос проговорил:

– Правда, что ли?

– У меня шутить с вами, гражданин Барсуков, нет ни времени, ни настроения, ни желания! – отчеканил капитан под одобрительным взглядом Дуси.

– А... по какому поводу вы мне звоните?

– По самому серьезному. Скажите, гражданин Барсуков, где сейчас находится ваша жена Марианна Ромашкина?

– Кто? Марианна? Да она мне вовсе не жена! Мы с ней не расписаны! Если она вам так сказала...

– Жена, или не жена, или просто сожительница – это меня в данный момент не интересует. Ответьте на мой вопрос! Где сейчас гражданка Ромашкина?

– Она... она сейчас у своей родни в Новоржеве... так она мне сказала...

– А по нашим сведениям, все не так. Нами обнаружен неопознанный женский труп, и у нас есть основания полагать, что это – Марианна Ромашкина. Жена она вам или не жена – это к делу не относится. Вы должны немедленно явиться к нам в отделение на опознание этого трупа.

– Опо... что? – испуганно переспросил собеседник.

– Опознание! – отчеканил Лебедкин.

– Но я... не могу... как это вдруг сразу... и вообще, почему опознание, зачем опознание, я же сказал – она уехала!

– Очень хорошо! Тогда я сейчас же высылаю к вам опергруппу, и вас силой доставят на опознание!

Разумеется, Лебедкин блефовал, кто бы ему дал опергруппу. Но Барсуков был здорово напуган, что, несомненно, говорило о том, что совесть его нечиста.

И угроза сработала.

– Не надо опергруппу! – пролепетал Барсуков. – Я приеду... сейчас же... скажите только адрес...

Лебедкин продиктовал ему адрес отделения и спустился на вахту, чтобы встретить Барсукова и проводить его в полицейский морг.

Дуся же решила пока сбегать к Софье Павловне, чтобы поделиться своими приключениями, а то та небось умирает там в приемной от любопытства. Вездесущий Еропкин наверняка уже донес, что она вернулась раньше времени, Дуся его в коридоре встретила.

Однако доверительной беседы не получилось, поскольку в приемной толкался народ, и Софья сделала страшные глаза: «Наш, мол, из управления вернулся недовольный, видно, там снова что-то придумали, так что не до разговоров сейчас». И Дуся пошла за Петькой.

Барсуков не заставил себя долго ждать и уже через полчаса появился в отделении. Он был бледен, как изголодавшееся привидение, однако при виде Дуси заметно оживился.

«Ну, кто бы сомневался, – хмыкнул про себя Лебедкин, – при виде нашей Дуси мертвый из гроба встанет».

На первый взгляд гражданин Барсуков был ничем не примечателен, обычный мужчина среднего роста, средней комплекции, однако зоркие Дусины глаза уловили необычайную аккуратность, с которой Барсуков был одет. Не то чтобы щегольски или дорого, а просто очень чисто.

И Дуся тут же поняла, что именно эта черта в характере Барсукова главная, то есть выглядеть всегда прилично, и что вовсе не покойная Марьяна Ромашкина за этим следила, а он сам. Потому что даже в таком испуганном состоянии не поленился Барсуков достать из шкафа чистую рубашку, и костюм на все пуговицы застегнут, и ботинки чистые.

Лебедкин проверил его документы и повел Барсукова в подвал.

В этом подвале распоряжался старший судмедэксперт Данилов, но сейчас его не было на рабочем месте, и посетителей встретил практикант Сеня. Он проводил Лебедкина со спутниками в помещение морга, выкатил стол на колесиках и откинул край простыни.

На каталке лежала мертвая женщина.

Барсуков опасливо приблизился к ней. В лице у него не было ни кровинки.

Участливый Сеня взглянул на Лебедкина и вполголоса спросил:

– Может, гражданину нашатырного спирта дать?

– Обойдется! – строго проговорил Лебедкин и повернулся к Барсукову: – Гражданин Барсуков, узнаете ли вы потерпевшую?

– Да... – выдавил тот, взяв себя в руки. – Это... это она, это... Марианна...

Практикант накрыл труп простыней.

Лебедкин вывел Барсукова на лестницу.

Тот перевел дыхание, быстро оглянулся на дверь покойницкой и дрожащим голосом спросил:

– Теперь... после опознания... я могу идти домой?

– Сможете, когда ответите на несколько вопросов!

– Ка... каких вопросов?

– Ну, не на лестнице же мы будем разговаривать!

Все трое поднялись в кабинет, который Лебедкин делил с Дусей. Капитан сел за свой стол, Дуся – за свой, Барсукову указали на свободное место.

– Итак, гражданин Барсуков, – начал Петя, – когда вы последний раз видели Марианну Ромашкину?

– Поза... позавчера, – ответил тот неуверенно. – Перед отъездом. Мы попрощались, и я...

– Перед отъездом? – удивленно переспросил Лебедкин и переглянулся с Дусей. – Перед каким отъездом?

– Я позавчера вечером уехал в Москву, в командировку. Сделал там все намеченные дела и на следующий день поздно вечером вернулся... на вечернем «Сапсане».

– У вас есть подтверждающие это документы?

– Да, конечно... вот билет туда, вот – обратно... – Барсуков достал из бумажника аккуратно сложенные билеты. – Можете проверить также в фирме, куда меня командировали...

– Проверим, непременно проверим! – Лебедкин забарабанил пальцами по столу, переглянулся с Дусей.

Дело на глазах усложнялось. Если Барсуков действительно был накануне в Москве, значит... да ничего это не значит, просто временные рамки сужаются.

Однако Лебедкина кольнуло неприятное предчувствие.

Дуся почувствовала его настроение и пришла на помощь своему напарнику:

– Значит, вчера поздно вечером вы вернулись из Москвы. Марианны дома не было. Вас это не насторожило?

– Ну... нет. Она мне еще раньше говорила, что хочет провести родню. Вот я и подумал, что она уехала в Новоржев.

– Подумали, значит... и легли спать?

– Ну да... – Барсуков опасливо взглянул на Лебедкина, который продолжил допрос.

– И хорошо спали? Никуда не выходили?

– Нет... куда мне было выходить?

- Вы мне скажите.
 - Да куда я не выходил!
 - А вот у нас есть свидетель, который утверждает, что вы выходили ночью из своей квартиры. И несли при этом черный мешок... причем большой и тяжелый.
 - Свидетель? Какой свидетель?
 - Ну, это я вам не обязан говорить.
 - Да знаю я вашего свидетеля! Это, небось, соседка, ведьма такая... вечно она в чужие дела лезет!
 - Так все же – выходили вы в ту ночь из своей квартиры или не выходили?
 - Не выходил... то есть выходил. Мусор вынес. Очень много мусора накопилось, вот я и вынес. Хотел в квартире порядок навести.
 - Ночью? До утра никак было не подождать?
 - Ну да... ночью... мне не спалось...
 - Но мешок был такой огромный, что в нем вполне мог поместиться труп!
 - Нет... не было в нем никакого трупа...
- Барсуков то краснел, то бледнел. Глаза его бегали, руки тряслись.
- Внезапно Дуся поднялась, подошла к нему и проговорила обманчиво мягким голосом:
- Олег Владимирович, дорогой, ну расскажите, как все было на самом деле! Ведь вам самому легче станет! Вон вы до чего дошли, смотреть невозможно! И знаете, что я вам скажу? Мне очень не нравится, когда мужчины врут!
- Последние слова Дуся выкрикнула резко, как хлыстом ударила, и глаза ее при этом полыхнули синим пламенем. Даже обстрелянный капитан Лебедин от такой метаморфозы своей верной напарницы вздрогнул и передернулся.
- Барсуков повернулся к Дусе – и вдруг разрыдался.
- Я ее не убивал! – проговорил он сквозь слезы.
- Дуся подала ему стопку бумажных салфеток и прежним мягким голосом произнесла:
- Ну, ну, хватит рыдать, вы же мужчина! Расскажите нам правду – и вы станете гораздо симпатичнее! Да вам и самому полегчает!
 - Думаете, симпатичнее? Думаете, полегчает? – Барсуков вытер глаза, высморкался и доверчиво взглянул на Дусю, после чего слова полились из него неудержимым потоком: – Я ее не убивал! Честное слово! Когда я уходил на вокзал, она была в полном порядке!
 - А когда вернулись из Москвы? – вкрадчивым тоном проговорил Лебедин.
 - А когда вернулся... – Барсуков снова опустил глаза.
 - Только правду! – напомнила ему Дуся.
 - Когда вернулся... она лежала на полу мертвая. И уже даже остыла. Я так испугался... подумал, что в этом обвинят меня.
 - Почему же вы так подумали?
 - Ну, всегда ведь в первую очередь подозревают мужа или любовника. Кроме того, мы с ней...
- Он замолчал, опустив глаза.
- Ну, договаривайте же! – поторопила его Дуся. – Вы с ней...
 - Мы с ней ссорились перед моим отъездом. И я ее даже ударил... совсем не сильно, но все же...
 - Вот это мне совсем не нравится! – Дуся помрачнела. – Мужчина, который может ударить женщину, – это не мужчина!
 - Но я же не сильно...
 - Тем не менее!
 - Ладно, – вмешался Лебедин, – что было дальше? Значит, вы испугались...

– Да, испугался. И подумал, что нужно в первую очередь избавиться от тела. К счастью, я нашел в кладовке большой мешок...

– Да уж, к счастью! – повторил за ним Лебедкин, но тут же замолчал под строгим взглядом Дуси.

– Ну да... положил ее в мешок и вынес из квартиры. Выходит, эта рыжая ведьма видела, как я его выносил... очень тяжело было, между прочим.

– Весьма сочувствую! – хмыкнул Лебедкин, но Барсуков, по-видимому, не заметил сарказма в его реплике.

– Да, еле дотащил! Хорошо, что лифт работал, а то прямо не знаю, как бы я справился! Всегда ей говорил, что худеть надо. На улице никого не было, и я дотащил мешок до соседнего дома. Дальше уже сил не хватило. Ну и бросил в мусорный контейнер...

Лебедкин аккуратно записал последние слова Барсукова, дал ему подписать протокол.

Поставив внизу листа подпись, Барсуков поднял глаза на капитана, потом перевел взгляд на Дусю.

– А вы знаете, мне и правда стало легче! Как будто камень с души свалился! Ну, теперь я могу идти?

– Да что вы? – Лебедкин изобразил удивление. – Теперь мы вас отведем в камеру.

– Как – в камеру? Я ведь вам все честно рассказал!

– Мы это непременно учтем, не сомневайтесь. Но даже если ваш рассказ правдив – он подпадает под несколько статей Уголовного кодекса. Найдя гражданку Ромашкину, вы не вызвали ни «Скорую», ни полицию, избавились от ее тела...

– Какую «Скорую»? Она ведь была давно мертва!

– А вы что, Барсуков, врач? Вы что, можете достоверно установить факт смерти?

– Да тут и врачом быть не надо!

– Короче, сейчас вы пойдете в камеру, а завтра мы продолжим разговор!

Барсуков очень выразительно взглянул на Дусю, но та отвела взгляд.

На следующее утро, прежде чем явиться на работу, капитан Лебедкин позвонил в дверь бдительной гражданки Рыжиковой. Всю ночь ему не давала покоя мысль об отъезде Барсукова в командировку, интуиция говорила ему, что в этом и зарыта собака.

Лебедкин снова нажал на звонок.

За дверью послышались шаркающие шаги, и немного невнятный голос проговорил:

– Фто там? Это ты, Липа, в такую рань?

– Откройте, Татьяна Степановна! Это капитан Лебедкин! Мы с вами в отделении полиции разговаривали!

Замок щелкнул, дверь открылась. На пороге стояла неподражаемая гражданка Рыжикова, облаченная, разумеется, в малиновый шелковый халат с золотыми разводами.

Она проговорила, стыдливо прикрывая ладонью рот и сильно шепелявя:

– Это вы, товарищ капитан... а я вас не фдала так рано... подождите минутку, я сейчас...

– Что? – переспросил Лебедкин. – Ах, сейчас...

Рыжикова метнулась в ванную комнату и почти сразу вернулась, гордо шелкая зубами и больше не закрывая лицо. Капитан понял, что она вставила зубной протез.

– Да, так извините, что я так рано, – начал Лебедкин. – Я к вам до работы...

– Это ничего. – Глаза Рыжиковой радостно блестели. – Вы ведь его все-таки арестовали!

Эти слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение, и Лебедкин подумал, откуда эта особа все так быстро узнала.

– Ну, во-первых, я хотел поблагодарить вас за бдительность, – проговорил он довольно кислым тоном. – А кроме того, я хотел задать вам еще несколько вопросов...

– Это пожалуйста, это я всегда! Это мой гражданский долг! Только что же мы в прихожей-то стоим, пойдемте хоть на кухню. Я вас чаем напою. Хотите чаю?

– Хочу, – признался Лебедкин.

Он подумал, что за чаем разговор пойдет легче. Кроме того, он не успел сегодня позавтракать.

Кухня у Татьяны Степановны была довольно тесная. Капитан кое-как примостился за столом, хозяйка разместилась напротив него и проговорила восторженным тоном:

– Вот говорила же я вам, что он ее убил! Так по-моему и получилось. Я все тут вижу и слышу, мимо меня никто не пройдет! Даже муха, как говорится. И как ссорились они, я слышала... и даже как он к ней руку приложил... так что вы, главное, ко мне прислушайтесь! Мои слова самые надежные!

– Да? – перебил ее Лебедкин язвительно. – А как же вы не услышали, что Барсуков после этой ссоры уехал?

– Что?! – Рыжикова опешила, растерянно захлопала глазами и уставилась на капитана. – Как уехал? Куда уехал? Почему уехал? Не может такого быть!

– А вот и может! Он тем же вечером уехал в Москву в командировку. И билет у него имеется, и с московской фирмой мы уже созвонились, они его слова подтвердили. Утром приехал, все свои дела переделал и в тот же день вернулся вечерним «Сапсаном». Так что не все вы замечаете, Татьяна Степановна!

– Ох, неужели прозевала? – расстроилась хозяйка.

Чтобы загладить свой промах, она налила капитану чаю и поставила перед ним тарелку с плюшками.

Голодный Лебедкин взял одну, вонзил в нее зубы и расстроился – плюшки были черствые. И вообще невкусные, пахли несвежим маслом, и корицы в них положить явно пожалели. Вот вчера Дуся принесла выпечку! Да, не всегда богатые плачут, если такие плюшки каждый день есть можно...

– Это все потому, – продолжила Рыжикова, подперев щеку кулаком, – что племянница мне позвонила, Дарья... минут сорок мы с ней проговорили... вечно она не вовремя звонит! Про здоровье мое расспрашивала, а это – долгий разговор. Двумя словами тут не отделаешься. Так что виновата, может, и пропустила я, как он ушел. Но остальное все я точно расслышала – и как ругались они, и даже как он ей по лицу припечатал...

– Ну, это-то как вы могли расслышать? Что конкретно по лицу? Или вы, извиняюсь, подглядывали? – Лебедкин обрадовался, что можно отложить плюшку.

– Ну, мне просто обидно слышать от вас такие слова! У меня в жизни такой привычки не было, чтобы подглядывать! Если случайно что увижу – это бывает, так ведь это совсем другое дело, а чтобы подглядывать – такого никогда не было!

Лебедкин уже утомился от ее болтовни, но он все же хотел вычленить из нее какой-то смысл, поэтому продолжил:

– А если вы не подглядывали, откуда же знаете, что он ее ударил и что именно по лицу?

– Что ударил – это слышно было: она, Марьяна, вскрикнула, а потом звук такой был, как будто упало что-то. Или кто-то. А кто мог упасть, кроме нее? Или, наоборот, сперва упала, а потом вскрикнула... вот точно не могу вспомнить. А что он ее именно по лицу ударил – это я на следующий день увидела...

– Как это? – насторожился Лебедкин.

– Да как? Обыкновенно. Я на следующий день кофту хотела постирать. У меня такая кофта хорошая есть, малиновая...

– Кто бы сомневался!

– Хорошая, только линючая очень. Если ее стирать, непременно потом нужно в уксусе прополоскать, чтобы не полиняла. А я хватилась – уксуса-то в доме и нет! Ни капли! Ну, тогда и пошла к Марьяне – может, думаю, у нее есть.

– И что?

– Ну, она мне открыла – а сама лицо платком прикрывает. Но я все равно разглядела – синяк у нее под глазом. И на щеку спускается. Так что однозначно он ей накануне влепил... Я, конечно, спрашивать не стала – зачем, когда и так все ясно...

– Значит, вы точно видели в тот день Марианну Ромашкину? И она была живая?

– Ну конечно, живая. Примерно как вы. Только зря я к ней пошла – не было у нее уксуса.

– А в какое время это было? Можете сказать?

– Отчего же не сказать? Конечно, скажу. Было это в двенадцать часов, может, с минутами.

– Как вы так точно запомнили время?

– А я перед тем как раз на часы поглядела. Вот на эти. – Рыжикова показала на стенные часы с фотографией рыжего кота на циферблате. – Если бы меньше двенадцати было, я бы к ней и не сунулась. К Марьянке раньше нельзя соваться, можно на грубость напороться, потому как она раньше двенадцати не встает.

– Что, Петя, ты такой невеселый идешь? – Дуся перехватила Лебедкина у входа в отделение.

– Да вот со свидетельницей побеседовал, с Рыжиковой. До сих пор в глазах от малинового рябит...

– Да не в этом же дело... – проникательно заметила Дуся, – опять ты, Петя, сомневаешься, я уж вижу.

– Ага, – неохотно признался Лебедкин, повесив голову. И тут же, увидев, что напарница нахмурилась, упрямил ее пойти вместе с ним к экспертам.

– Данилыч сказал, что только к вечеру отчет готов будет, но, если ты попросишь, он все расскажет. Дусь, наш-то сказал, что дело это будет на особом контроле!

– Точно, и Софья Павловна говорила, что сверху вожжи натянули! Ладно, идем к Данилычу!

Дуся и Лебедкин спустились в подвальный этаж и позвонили в серую металлическую дверь.

Дверь открылась с ревматическим скрипом.

Из-за нее возник сначала сложный букет запахов, а затем – судебно-медицинский эксперт Данилов.

Данилов, как обычно, был одет в несвежий, некогда белый, некогда накрахмаленный халат, заляпанный чем-то подозрительно красным.

Новичок, не знакомый с привычками Данилова, мог бы подумать, что это – результат его профессиональной деятельности, а именно – пятна крови, образовавшиеся при вскрытии трупов.

Но Лебедкин знал эксперта не первый год и не сомневался, что красные пятна – это всего лишь следы кетчупа.

Данилыч, как называли его коллеги, обладал отменным аппетитом и часто закусывал без отрыва от работы. Специфическое окружение и запахи ничуть не сказывались на его аппетите.

Вот и сейчас в его левой руке был надкушенный хот-дог, из которого выглядывала сосиска, щедро намазанная томатным соусом.

На шее у эксперта был повязан яркий галстук-бабочка в крупный горошек. Должно быть, он увидел этот стильный аксессуар у своего коллеги в каком-то зарубежном детективном фильме или сериале и решил тоже обзавестись бабочкой.

С тех пор коллеги регулярно дарили ему новый галстук на каждый день рождения, но он все равно умудрялся очень быстро заляпать его.

Последний презент Дуся сама выбирала в дорогом магазине – и вот, пожалуйста, та же история.

– Вы чего, ребята, так рано... – начал было эксперт недовольным голосом, но тут увидел Дусю, и тут же его лицо расплылось в широкой улыбке, – а, ну заходите, заходите! Я как раз чайник вскипятил... Дуся, хочешь чаю?

– Данилыч, – перебил его Лебедкин, входя в даниловскую лабораторию, ежась от холода и морщась от царящих в помещении запахов, – это только ты можешь в такой атмосфере чаи гонять...

– Да? – Эксперт потянул носом. – А что тебе не нравится? Я лично ничего такого не чувствую... ну, формалинчиком немножко отдает... наверное, я принялся...

Лаборатория представляла собой большое холодное помещение с облицованными белым кафелем полом и стенами. Тут и там стояли металлические столы-каталки, на которых лежало нечто, закрытое простынями. Из-под одной простыни сиротливо выглядывала волосатая нога.

– Наверное, принялся, – согласился Лебедкин с экспертом. – А мы, вообще-то, по делу... что ты можешь нам сообщить о той женщине, которую нашли в мусорном контейнере?

– Ну ты же знаешь, Петя, правила – официальный отчет будет готов часа через два...

– Данилыч, миленький, – Дуся подошла к эксперту вплотную и заботливо поправила его бабочку, – войди в наше положение! Нам некогда ждать официального отчета!

Взгляд эксперта затуманился. Он мечтательно взглянул на Дусю и проговорил, растягивая слова:

– Ну-у, если не-екогда... я, конечно, могу-у предварительно кое-что рассказать... какие-то собственные соображения... но это, как говори-ится, не для протокола...

– Само собой, – согласилась Дуся.

Данилов вздохнул, неохотно отошел от Дуси, не сводя с нее взгляда, подошел к одному из столов и, не глядя на него, отдернул часть простыни, как сдергивают покрывало с памятника:

– Значит, мы имеем женский труп приблизительно тридцати – тридцати пяти лет...

– Данилыч, а ты ничего не путаешь? – осторожно перебил его Лебедкин.

– Я никогда ничего не путаю! – с апломбом проговорил Данилов. – На то я и эксперт...

– Но ты на него все же взгляни!

– Ты хотел сказать – на нее? – фыркнул Данилов.

– Да ты взгляни, взгляни!

Эксперт неохотно отвел глаза от Дуси и повернулся к столу.

Из-под простыни было видно угрюмое лицо с низким неандертальским лбом и густой рыжеватой бородой.

– Да, ошибся немножко... – признал Данилыч. – Это у нас байкер... жертва ДТП... другие двое выжили, в больнице лежат. А ваша женщина на соседнем столе.

Он перешел к соседней каталке, сдернул с нее простыню. Там действительно лежала женщина. Правда, после вскрытия и всех связанных с этим процедур эта женщина очень сильно изменилась, но Данилов уверенно зачастил:

– На теле и на лице имеются гематомы. Причем гематома на лице – прижизненная, появилась примерно за двадцать часов до смерти. Форма характерная – явно сильный удар кулаком...

– Это ее сожитель приложил. Но не эта гематома послужила причиной смерти?

– Однозначно не она. Я же говорю – эта гематома появилась почти за сутки до смерти. А вот гематомы на ее теле – посмертные. Получены, скорее всего, в результате падения на твердую поверхность. Вот примерно на такую поверхность, как здесь... – Эксперт кивнул на кафельный пол лаборатории.

– То есть эти гематомы тоже не являются причиной смерти?

– Петя, ты меня все время будешь перебивать или послушаешь для разнообразия? – нахмурился Данилов.

– Извини, извини, молчу...

– Ну так вот – я же сказал, что эти гематомы посмертные. То есть ваша женщина сперва умерла, а потом уже упала на пол и ушиблась. Ушиблась уже после смерти. Об этом говорит, в частности, само расположение гематом.

– Поясни...

– Ну, вот, Петя, упади на пол!

– Чего? – Лебедкин опасливо взглянул на эксперта. – Чего это я буду падать? Да и пол грязный...

– В качестве следственного эксперимента.

– И что – это обязательно? Сам же сказал, что пол жесткий, гематомы будут... в смысле синяки.

– Ну ладно, не хочешь – не надо, тогда поверь мне на слово. Если ты упадешь на пол, ты инстинктивно сгруппируешься, постарайся упасть так, чтобы ничего себе не сломать и по минимуму расшибиться. Это уже на уровне рефлекса.

– Ну, само собой! Я когда в школе на самбо ходил, на самом первом уроке нас учили правильно падать.

– Вот именно! А она упала, как мешок с картошкой. Как будто уже совершенно не владела своим телом. Значит, получается, она сначала потеряла сознание или умерла, а уже потом упала... Вот, посмотри, где у нее гематомы!

Данилов повернул труп и продемонстрировал синяки на спине и на боках.

– А сам характер гематом говорит о том, что в момент падения сердце уже остановилось, то есть она была уже мертва.

– Хорошо, это я понял. А что все же стало причиной смерти?

– Не для протокола?

– Само собой.

– Если не для протокола, причиной ее смерти стал геморрагический инсульт.

– Какой, какой? – переспросил Лебедкин. – Про инсульт я слышал, но какой он бывает, не знал...

– Инсульт – это нарушение мозгового кровообращения, он бывает ишемический, когда кровь не поступает в важные участки мозга, и геморрагический, когда разрывается сосуд...

– Значит, инсульт... – протянул Лебедкин. – А разве он бывает у таких молодых? Я думал, это случается только у людей в приличном возрасте. За пятьдесят, допустим...

– Все бывает, – вздохнул Данилов, – бывает и у двадцатилетних. Когда я в медицинском учился, у нас на курсе один парень был. Крепкий парень, спортсмен, и что ты думаешь – на четвертом курсе с ним случился инсульт. Раз – и все!

– Тогда, выходит, это никакое не убийство, а обычная естественная смерть...

В голосе Лебедкина помимо его воли отчетливо прозвучало разочарование.

– На первый взгляд – да...

– А на второй? – оживился Лебедкин.

– На второй – есть тут кое-какие странности. Когда я начал ее осматривать, заметил, что у нее было кровотечение из ушей. Причем из обоих.

– Кровотечение? А при инсульте такое бывает?

– В принципе, возможно. Но я внимательно обследовал ее ушные проходы и нашел повреждения барабанных перепонок. Как будто кто-то проткнул их очень тонким и очень острым инструментом. Причем этот кто-то должен быть настоящим гением хирургии – сделать такой прокол, да еще с обеих сторон, и при этом не повредив ни ушные раковины, ни проходы внут-

ренного уха... я бы такое не сумел сделать. Ну, я, конечно, не специалист в области ушной хирургии...

– Что вы, Леонид Васильич, вы такой специалист замечательный! – тут же вставила Дуся, она знала, когда мужчине непременно нужно похвалить.

Но Данилов на ее грубую лесть не купился. Он посмотрел на Дусю с подозрением и недоверием, что само по себе было удивительно. Обычно мужчины так на нее не смотрели.

– Интере-есно... – протянул Лебедкин, уловив этот взгляд. Раз уж Данилыч на Дусю не реагирует, стало быть, дело серьезное.

– Да, и еще одно... взгляни на ее лицо. Тебе ничего в нем не кажется странным?

Лебедкин честно взгляделся в лицо мертвой женщины. Дуся через его плечо тоже посмотрела на нее.

– Ну, вообще-то, ты ее уже здорово искромсал, но все-таки...

– Все-таки она какая-то здорово испуганная, – договорила за напарника Дуся.

– Вот, и я о том же! – подтвердил Данилов, отчего-то таинственно понизив голос. – Это сейчас, после вскрытия, сразу можно ничего не заметить, а когда я ее впервые увидел – удивился даже. У нее на лице был даже не испуг, а самый настоящий ужас! Как будто она собственную смерть увидела!

– Ничего себе! – проговорил Лебедкин и зябко поежился. – Что ее могло так напугать?

– Если бы я знал!

– А может такое быть, Данилыч, что у нее как раз от этого испуга и случился инсульт?

– Ну, как тебе сказать... теоретически это возможно. Сам я с такими случаями не сталкивался, но в медицинской литературе такое описано. Слишком сильный испуг может вызвать резкий выброс адреналина, повышение артериального давления и, как результат, смерть... но для этого нужны определенные условия...

– То есть ее кто-то испугал до смерти?

– Ну, во всяком случае, я этого не исключаю...

– Ладно, это уже какая-то мистика. А вот насчет проколов в ушах – это что-то конкретное. Что ты мне об этом можешь сказать?

– Все, что мог, – уже сказал. Но я все же не самый большой специалист в этой области...

Лебедкин взглянул на Данилова с удивлением. Он первый раз услышал такое признание от всезнающего эксперта. Данилов считал себя выдающимся специалистом во всех областях экспертизы. Во всяком случае, внушал такое представление всем сотрудникам отделения.

Дуся на всякий случай промолчала.

– Если ты, Данилыч, не специалист, то кто же в этом разбирается лучше тебя?

– Это тебе нужно обратиться к профессионалам. На твоё счастье, самые лучшие специалисты в этой области работают в нашем городе, в Институте уха, горла и носа на Бронницкой улице. Ладно, ребята, у меня пока все, письменный отчет пришлю к вечеру, а пока вон тот байкер меня дожидается. Дуся, ты заходи, если что, всегда тебе рад!

– Дохлое дело, – сказал Лебедкин, поеживаясь после холодного помещения лаборатории, – получается, что этот Барсуков и правда ее не убивал. Сама посуди – соседка утверждает, что видела ее живой на следующий день в районе двенадцати. А он тогда в Москве был. А к вечеру, когда вернулся, она уже мертва была часов восемь-десять, это Данилыч говорит, а он так намного ошибаться не может. Выпускать нужно Барсукова этого, вот что.

– Подожди, – твердо сказала Дуся. – Вот придет официальный отчет, да представим его начальству – тогда и отпустим. А пока пусть посидит и о своем поведении подумает. Нечего было жену голую в мусорный контейнер выбрасывать!

До открытия магазина оставалось пятнадцать минут.

Василиса подошла к зеркалу, внимательно оглядела себя.

Вид у нее был унылый и бледный, кожа блеклая, волосы тусклые... все потому, что в этом году не удалось съездить на море. Да еще Виолетта каждый день выносит мозги...

Василиса подправила губы, взбила волосы, кокетливо наклонила голову к плечу... Да нет, все не так уж плохо, просто здесь неудачное освещение.

И тут из торгового зала донесся визгливый голос Виолетты.

Легка на помине! Вот помяни ведьму, так она сразу тут как тут!

– Василиса, ты куда запропастилась?

– Я здесь, Виолетта Романовна! – Василиса выглянула из подсобки, преданно глядя на хозяйку и пытаясь понять, чем она на этот раз провинилась.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре, – удивленно ответила продавщица. – Скоро двадцать пять будет. А в чем дело?

– Вроде бы рановато для склероза!

– А что случилось?

– Я тебе говорила, что мы сейчас продвигаем в первую очередь бренд «Кавалери»?

– Да, Виолетта Романовна, говорили...

– И не один раз!

– Да, Виолетта Романовна...

– Я тебе говорила, что на манекенах в витрине должны быть вещи от «Кавалери»?

– Говорили... – Василиса наконец почувствовала под ногами твердую почву. Она отвечала за одежду на манекенах и каждый день должна была ее менять. И следила, чтобы манекены были одеты в вещи нужного бренда. То есть такого, какой сейчас считает самым важным Виолетта Романовна.

– А если говорила, почему этот манекен одет в вещи от «Лаперуза»? Мне кажется, ты не понимаешь, где работаешь! Бутик «Стрекоза» – это один из самых стильных магазинов города, и тысячи девушек хотели бы оказаться на твоём месте! А ты этого не ценишь и путаешь бренды! Я это не собираюсь терпеть!

– Да что вы, Виолетта Романовна, не может быть, я только вчера одевала его в «Кавалери»...

– Так что, я, по-твоему, ошибаюсь? Я, по-твоему, не могу отличить «Кавалери» от «Лаперуза»?

Василиса не стала спорить. Она знала, что Виолетта близорука, но тщательно это скрывает и не носит очки. И не дай бог ей на это намекнуть – вылетишь из бутика на первой космической скорости. Лучше ей поддакивать...

Она вышла в торговый зал, направилась к витрине...

И уже на полпути поняла, что с этим манекеном и правда что-то не так.

Она сама вчера, перед тем как уйти из магазина, надела на этот манекен чудный кашемировый кардиган светло-бежевого цвета от фирмы «Кавалери», а сейчас на нем было темно-красное пальто совершенно другой фирмы... ну да, Виолетта не ошиблась, это было пальто фирмы «Лаперуза», но они продали эту модель еще в прошлом месяце... Надо же – несмотря на близорукость, сразу определила бренд!

Но это было еще не все – манекен сидел не в той позе, в которой Василиса вчера его оставила...

– Быстро переодень ее! – шипела за спиной у девушки Виолетта. – Пока не появились первые покупатели... и не тормози, у тебя не больше пяти минут!

Василиса поднялась на широкий подоконник, наклонилась над плечом манекена, чтобы снять пальто...

И тут она едва не завизжала.

Перед ней сидел, откинувшись на спинку антикварного стула, вовсе не манекен.

Это была живая женщина... то есть как раз не живая. Женщина была стопроцентно мертвая. И в следующую секунду Василиса ее даже узнала. Узнала, несмотря на гримасу ужаса, которая перекосила лицо мертвой.

Было такое чувство, что женщина увидела привидение. Увидела – и умерла от ужаса.

Это была постоянная клиентка их магазина. Именно она примерно месяц назад купила у них это чудное пальто изысканного цвета свернувшейся крови...

А еще через секунду Василиса увидела на воротнике кровавое пятно – оно было почти незаметно на темно-красной ткани.

В глазах у Василисы потемнело, она почувствовала, что сейчас сама умрет от ужаса.

– Что ты там возишься?! – раздраженно выпалила Виолетта, и ее скрипучий голос моментально привел продавщицу в чувство. – Что ты там копаешься?

– Ви-ви-виолетта Романовна... – проговорила Василиса дрожащим от страха голосом. – Она ме-ме-мертвая!

– Что ты несешь? – Лицо Виолетты приобрело тот самый изысканный цвет, что и пальто на покойнице. – Ты что, сошла с ума? Через пять минут нужно открывать магазин, а ты...

– Виолетта Романовна, да вы сами посмотрите!

Широкими шагами начальница подошла к окну, и Василиса с тайным злорадством ждала, когда же она разглядит, что на стуле сидит не манекен, а мертвое тело.

– Ну! – Виолетта раздраженно схватилась за рукав пальто, и труп покачнулся. – Что такое? – Виолетта наклонилась ближе, и тут до нее наконец дошло.

Она испустила жуткий, нечеловеческий вопль и упала рядом с антикварным стулом, отчего он опрокинулся, и труп свалился прямо на Виолетту.

При виде такого зрелища Василиса полностью пришла в себя и опустила тяжелую плотную штору, чтобы витрину не видели с улицы.

Магазин она, естественно, не открыла, и полицию вызывать не стала, а прежде привела начальницу в чувство, та уж сама потом разобралась.

А Василису в результате повысили в должности и даже прибавили ей зарплату.

Бронницкая улица находится в старом районе Петербурга, неподалеку от Технологического института. Район этот прежде назывался Семенцы – по той причине, что здесь с восемнадцатого века квартировал гвардейский Семеновский полк.

Еще этот район иногда называли районом шести улиц – поскольку его образуют Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская и Бронницкая улицы.

Чтобы запомнить названия этих улиц и их порядок, местные старожилы в незапамятные времена придумали простую поговорку: *«Разве можно верить пустым словам балерины»*.

Что это за балерина, никто не знает, да это и не важно.

Короче, капитан Лебедкин приехал на Бронницкую улицу, подошел к солидному мрачному зданию, над входом в который висела внушительная вывеска:

«Всероссийский институт болезней уха, горла и носа».

Капитан вошел в холл, подошел к окошку справочной, предъявил свое удостоверение и сказал, что ему нужна консультация профессионального отоларинголога.

Девушка в окошке с кем-то переговорила по телефону и велела Лебедкину подняться на второй этаж, в кабинет номер двести двадцать восемь.

– Вас примет Вера Васильевна Козюлина.

– Она хороший специалист? – на всякий случай уточнил дотошный капитан.

– Вера Васильевна? – девушка взглянула на него так, будто он усомнился в том, что Земля круглая. – У нас все специалисты хорошие, а Вера Васильевна – одна из самых лучших!

– Ну, если так...

Лебедкин поднялся на второй этаж, нашел нужный кабинет, постучал и вошел.

Он ожидал увидеть в кабинете суровую мужеподобную особу средних лет с решительным взглядом и суровыми манерами старшины-сверхсрочника. Но за столом сидела симпатичная молодая женщина с большими голубыми глазами и пышным облаком рыжеватых волос, окружающим голову, как нимбы у святых на картинах старых итальянских мастеров. На лбу у нее было закреплено зеркальце.

«А во лбу звезда горит!» – своевременно вспомнил капитан строчку из сказки.

Он решил, что это – медсестра, помогающая доктору Козюлиной вести прием, а сама Вера Васильевна куда-то вышла по неотложному делу. Но какая же красавица эта медсестра...

Он отчего-то смутился до такой степени, что на какое-то время утратил дар речи.

Когда этот дар к нему все же вернулся, он откашлялся и проговорил неуверенным голосом:

– А мне вообще-то нужна Вера Васильевна. Она скоро вернется?

– Это я Вера Васильевна, – ответило прелестное создание голосом, похожим на хрустальный колокольчик. – Чем я могу вам помочь?

Лебедкин смутился больше прежнего. Он снова откашлялся и произнес, не узнавая собственный голос:

– Я – лебедь Капитанов... то есть капитан Лебедев... то есть Лебедкин... из лицейского... то есть полицейского... то есть, что я говорю... я из капитанского отделения...

Он понял, что окончательно запутался, и просто протянул женщине свое удостоверение.

Та, закусив губу, чтобы не засмеяться, взяла это удостоверение и внимательно прочла.

– Вы присядьте. – Она показала капитану на стул. – И не волнуйтесь, пожалуйста. Чем я все же могу вам помочь? У вас какие-то проблемы с голосом?

Лебедкин отдышался, взял себя в руки и произнес вполне внятно и связно:

– У меня лично никаких проблем нет. По крайней мере, по вашей части. Но вот в процессе расследования одного убийства действительно возникла проблема, с которой наш эксперт не смог разобраться. Он и направил меня к вам.

С этими словами Лебедкин протянул Вере Васильевне составленный Даниловым отчет о странном повреждении ушей жертвы, а также сделанные им фотографии.

Доктор Козюлина внимательно прочла отчет, еще более внимательно изучила фотографии и вздохнула:

– Конечно, хорошо бы сделать МРТ или хотя бы рентгеновский снимок слуховых ходов...

– Ну откуда у нас такая техника? Это у вас в институте все есть, а у нас – простое отделение полиции...

– Ладно, не расстраивайтесь, попробуем разобраться с тем, что есть. Ваш эксперт прав – это очень специфические раны. Скажите мне, где было совершено это убийство?

– По адресу: улица Карусельщиков... – начал было Лебедкин, но врач прервала его:

– Адрес мне не нужен. Просто скажите, что это за место – научная лаборатория, больница или...

– Нет, эту женщину убили в обычной квартире, на кухне.

– Но тогда это просто невозможно. Раны нанесены настолько аккуратно, буквально с ювелирной точностью. Причем обе раны совершенно симметричны. Это возможно сделать только в лабораторных условиях или в идеально оборудованной операционной. Но на кухне... нет, это решительно невозможно.

– Да, ее убили на кухне. Ну, возможно, в прихожей.

– Нет, это невозможно... хотя...

Вера Васильевна еще раз перечитала отчет Данилова, снова изучила фотографии, потом включила свой компьютер и долго что-то искала, затем повернула экран к Лебедкину:

– Посмотрите! Очень похоже, правда?

Капитан уставился на монитор. Там была цветная фотография чего-то совершенно неприятного, но очень неприятного. Какие-то темно-розовые пещеры с гладкими влажными стенами в красных потеках, странные изгибы и наросты...

– Что это такое?

– Ах да, вы же не специалист, вам это ничего не говорит! Вообще-то, это снимок слуховых проходов одного моего давнего пациента. Картина, очень похожая на ваш случай. То есть не ваш, а вашей жертвы. Такие же ювелирные проколы барабанных перепонки, причем тоже абсолютно симметричные.

– И кто же ему проколол эти перепонки?

– Вообще-то, никто. Эти травмы возникли в результате звукового шока.

– Чего? – переспросил Лебедкин.

– Проще говоря, этот пациент работал механиком на аэродроме. Он чинил мотор самолета и находился к нему очень близко. Обычно такие работы механики проводят в специальных защитных наушниках, но тогда было очень жарко, и он их снял. А его напарник как раз в это время включил мотор, чтобы проверить его работу.

– И что – у него от слишком громкого звука лопнули барабанные перепонки?

– Ну, не совсем так. Авиационный мотор создает звук мощностью около ста сорока децибел. Человеческое ухо может выдержать такую громкость. Самое большее, оглохнет на час. Но тот мотор был неисправен, и он выдал звук какой-то нестандартной частоты, близкий к ультразвуку. Да еще и очень мощный. Вот в результате этого звука и образовались такие проколы.

– Так что – вы хотите сказать, что у нашей жертвы барабанные перепонки лопнули от слишком громкого звука?

– Ну, не только слишком громкого, но еще очень специфического. Но, в общем, да, основной смысл вы уловили. И это – единственное объяснение, которое я могу придумать для таких аккуратных и к тому же симметричных проколов.

Капитан с сомнением посмотрел на доктора Козюлину. А не пудрит ли ему мозги эта красotka?

Допустим, что барабанные перепонки несчастной Марианны Ромашкиной лопнули от слишком сильного шума. Но ведь кто-то же должен был слышать этот шум! Та же соседка Рыжикова, которая слышит вообще все, что в соседней квартире происходит, а такого грохота не услышала?

– Вы – капитан Лебедкин? – вдруг спросила докторша. – Петр Лебедкин? А я ведь вас знаю... – Она улыбнулась.

– Не может быть! – сами собой проговорили губы Лебедкина. – Такую женщину я бы запомнил!

– Ну, мы на самом деле незнакомы, но я о вас много слышала от своей мамы. У меня мама живет в той квартире, где Света раньше жила... ну, то есть теперь там сестра ее, Аня. Мама рассказывала, как вы ее как-то привезли...

– Да-да!

Лебедкин вспомнил свое прошлое дело – две сводные сестры и что с ними случилось³.

Точно, привозил он как-то одну из них, Анну, в ее квартиру, а там соседка такими пирожками его накормила...

– Помню вашу маму! – оживился он. – Печет отлично! Привет ей от меня передавайте!

– Передам непременно!

Молчание чуть затянулось, и доктор прервала его сама:

– Ну, если у вас ко мне все...

³ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Камея римской куртизанки». Издательство «ЭКСМО».

– Да конечно, не стану вас задерживать, но... если у меня возникнут вопросы, могу я вам позвонить? Только лучше не через регистратуру, а напрямую! – Лебедин осознал подтекст своей просьбы, только когда она уже прозвучала.

– Разумеется, можете! – Она уже протягивала ему листок с номером.

И зайчик от зеркальца попал ему в лицо. Лебедин смешно зажмурился, и доктор засмеялась хрустальным мелодичным смехом.

И, только уже выходя из клиники, Лебедин вспомнил слова той славной соседки, что кормила его пирожками. Она говорила, что нет у нее зятя, потому что тот погиб в аварии два года назад.

Рука непроизвольно сжала в кармане бумажку с номером телефона.

Капитан Лебедин ужасно боялся одиноких женщин. Не одиноких, впрочем, он тоже боялся. Фобия эта началась у него после развода, хотя прошло уже с тех пор лет семь...

Когда точно? Ох, лучше про это вообще не думать...

Он снова собрался выбросить от греха номер телефона доктора Козюлиной, но тут вспомнил ее улыбку и зайчик от зеркальца и удержал руку.

На следующий день Олега Барсукова после отчета эксперта выпустили, хотя начальство и было недовольно результатами.

Дуся решила не лезть к человеку с вопросами прямо сразу, а дать ему передохнуть. Сама же она решила пройтись по соседям потерпевшей Ромашкиной, чтобы узнать, не слышал ли кто-нибудь громких звуков или вообще какого постороннего шума. А для начала навестить ту самую соседку, которая и замутила всю историю.

Вот не заметила бы она, как Барсуков ночью мешок выносит, да не пошла бы наутро в полицию – так ничего бы и не было. Труп Марианны увезли бы на свалку, а если не увезли, то валялся бы он сейчас в морге неопознанный долгое время. Так что тетка, судя по всему, приметливая, а что Пете ничего толком не рассказала, так это потому, что он не умеет с такими разговаривать.

Всем известно, что Петя Лебедин женщин побаивается. И молодых, и старых, всяких. И это еще удивительно, что с доктором-отоларингологом из клиники сумел договориться, видно, толковая докторша ему попала. И не вредная.

Однако в квартире соседки Дусю поджидало разочарование.

На ее звонок никто не открыл. Ну, на дворе день белый, ушла соседка в магазин или еще по каким делам.

Дуся посмотрела на дверь Барсукова, но решила пока не соваться.

Свидетельницу Рыжикову она узнала сразу – по малиновому берету, заливчато сдвинутому на левое ухо. Соседка отдыхала на лавочке возле подъезда с пакетами из сетевого магазина перед тем, как начать восхождение по лестнице, потому что лифт, по наблюдению Дуси, опять у них не работал.

Дуся присела рядом и показала удостоверение.

– Ага, – сказала Рыжикова, – ты теперь вместо того малахольного, значит.

– Зря вы так, – нахмурилась Дуся, она не любила, когда напарника обижают, – он свою работу выполняет добросовестно.

– Ну, может быть, – легко согласилась Рыжикова, – а только едва ему втолковала про убийство-то.

– А вот скажите... – Дуся понизила голос, – вот какой человек сосед ваш? Вы хорошо его знаете, мог он ее убить?

– Ну, раз выпустили его – значит, не он убил, – резонно заметила соседка, – и вот что скажу: я бы и не поверила про убийство-то, если бы не слышала, как накануне ругались они.

– И о чем же спор был?

– Да не спор, а чистый лай! – уточнила соседка. – Полный скандал с мордобоем. А такое только в одном случае бывает, когда мужик на жену танком прет в своем полном праве.

– Ревность? – прищурилась Дуся.

– Не то слово! Уж так он орал на нее, словами разными обзывал неприличными, хотя раньше, врать не буду, никогда за Олегом такого не замечала.

– На месте, значит, застал, с любовником?

– Вроде позвонил ему кто-то и сообщил... нашелся, стало быть, доброжелатель. Но опять-таки сама я конкретно с любовником Марьяну не видела, врать не буду, и сюда она никого не водила, уж на это ума у нее хватало. Хотя, конечно, вроде и нельзя про покойницу говорить плохо, но на мужиков она посматривала. И все смехом, шуточками, плечами ведет, глазами стрижет, декольте – во! До пояса! Халат – во! – Рыжикова показала какой. – Так что даже Роза Викторовна с верхнего этажа ей замечания делала. Ну, про это я твоему капитану уже говорила.

«Любовник у Марианны появился, – подумала Дуся, – так, может, он ее и убил?»

– Думаешь, приходил к ней мужик? – соседка с сомнением пожевала губами. – Это вряд ли. Сама посуди, кто станет хахаля с синяком под глазом принимать? Это уж совсем шалава какая-нибудь, а Марьянка такой не была, за собой следила.

– Правильно мыслите. А вот скажите, Татьяна Степановна (у Дуси была отличная память на имена и фамилии, раз увидела в протоколе допроса и запомнила надолго), в тот день, когда Марьяну убили, вы случайно никакого шума не слышали? Ну, может быть, стук громкий, грохот или вроде как взрыв.

– Да что там услышишь, когда у Марьянки телевизор на полную мощность орал! Какой-то фильм ужасов небось смотрела – уж такие завывания! Монстры наступают! Я даже хотела в стенку стучать. Но потом все стихло.

«Ну что, – думала Дуся, шагая по лестнице, – соседка, конечно, свидетельница толковая, наблюдательная, но никого постороннего она не видела. И про любовника ничего не знает конкретно. Ладно, будем продолжать».

Она решительно позвонила в квартиру Барсукова, соседка сказала, что он дома, она слышала, как в квартире пылесос шумел.

– Опять вы? – Барсуков сделал попытку захлопнуть дверь, но Дуся ловко подставила ногу.

– Олег Владимирович, ну что вы прямо как ребенок малый! – укоризненно заговорила она. – Ну, все равно же придется нам с вами разговаривать! И лучше это сделать здесь, раз уж я сама пришла! Зачем вам снова в отделение тащиться?

– Черт знает что! – Он неохотно распахнул дверь.

Дуся тотчас отметила идеальный порядок и чистоту в прихожей.

– Уборкой занимаетесь? Это правильно. Чистота в квартире – это первое дело...

Не спрашивая разрешения, Дуся прошла на кухню и села за стол. На кухне тоже было прибрано – ни грязной посуды, ни жирных пятен на столешнице, плита и то чистая.

– Вот, отгул взял. – Барсуков поймал ее взгляд.

Выглядел он хоть и неважно – щеки ввалились, цвет лица какой-то нездоровый, серо-желтый (сидение в камере никого не красит), но одет был в домашнее, однако аккуратно: футболка чистая и спортивные брюки на коленях не пузыряются.

– Вам бы отдохнуть... – протянула Дуся.

– Какой отдых, когда приходят, в дверь ломятся... – Он скривился и махнул рукой.

Как уже говорилось, с Дусей ни один мужчина не разговаривал грубо, поэтому она задумалась. Что за человек этот Барсуков? Зануда? Или просто натуральный козел? Вряд ли он убежденный женоненавистник, все же прожил с Марьяной года три, как соседка сказала. С другой стороны, не каждый способен тело близкой женщины запихнуть в мешок и вынести на помойку...

– Вот что, гражданин Барсуков, – сказала Дуся твердо, – не надейтесь так легко от меня избавиться. Хотя у вас, конечно, и есть алиби на время убийства.

– Я невиновен!

– Это так, но вовсе не значит, что к вам нельзя применить статью. Даже несколько. Препятствие следствию и сокрытие улик! Вот скажите, зачем вы ее на помойку вынесли?

– Я... – Барсуков сбавил тон, – я испугался очень, что на меня подумают. Я в аффекте был, не понимал, что делаю!

– В аффекте? – усмехнулась Дуся. – Но раздеть вы ее не забыли, какой уж там аффект.

Этот Барсуков ей определенно не нравился. Какой-то он противный, скользкий. Но Дуся сделала над собой усилие и отогнала непрофессиональные мысли.

– Вот, кстати, расскажите, как вы ее нашли. Где лежала, как была одета, на месте покажите.

– Ну... – Барсуков прошел в прихожую, – вот тут и лежала, на этом самом месте. Я как вошел – так ее и увидел. И подумал, что это я ее перед отъездом ударил, она и...

– Вы что – в прихожей ругались?

– Да нет, вроде в комнате... я уж не помню...

– Одежда на ней какая была – нарядная, домашняя, халат, брюки трикотажные...

– Костюм домашний... типа лосины и кофта такая длинная...

«Стало быть, не любовник... – подумала Дуся, – к любовнику бы она приоделась...»

– Вещи ее где?

– Я все собрал, в кладовке лежат...

Вещей у Марьяны Ромашкиной было много. Одежда, обувь, сумки заняли почти всю кладовку.

Дуся осмотрела домашний костюм, о котором говорил Барсуков – почти новый и довольно чистый, нигде не было следов борьбы. Перебрала мелочи в сумке – ничего необычного – ихватила мобильника.

– Телефон ее где?

– Я его в гостиной в вазе нашел, она вечно свой телефон куда-то засовывала.

ПИН-кода Барсуков не знал.

Вообще, по наблюдению Дуси, он своей женщиной не слишком интересовался.

– Скажите, а когда... ее выдадут? – спросил Барсуков, провожая Дусю к выходу. – Хочу скорее похоронить и...

– И забыть, как страшный сон? – не выдержала Дуся. – Слушайте, Барсуков, если вы к ней так относились, то отчего не расстались? Вы не расписаны, детей нету, чего уж проще... Ведь больше трех лет прожили все-таки!

– Да все нормально у нас было! – с досадой буркнул Барсуков. – Я работал, ей не мешал время проводить как хочет. Хотела дома сидеть – пожалуйста! С подружками там пойти куда – да ради бога! Только сама себя развлекай и веди прилично! А она...

– Вы как узнали, что она вам изменяет? Видели ее с кем-то?

– Да позвонили мне, причем на фирму. – Барсуков поморщился. – Секретарша, стерва такая, бежит: «Олег Владимирович, вас к телефону срочно!» Ну, там мужской голос – так, мол, и так, жена ваша вам изменяет уже давно. Я растерялся, конечно: «Что такое, кто говорит?» А он трубку повесил. А секретарша так смотрит на меня: «Олег Владимирович, вам плохо? Может, «Скорую» вызвать?»

И тут до меня дошло, что телефон параллельный, что эта стерва все слышала и что через четверть часа весь офис об этом знать будет. В офисе такие вещи сразу расходятся.

Так и оказалось. Я озверел, конечно, ну, поругались мы дома крупно. Остальное вы знаете. Она, Марьяна, конечно, все отрицала, но я сразу понял, что все правда. За три года изучил уже, когда она врет...

Барсуков перекосялся и громко скрипнул зубами, видно, и сейчас не мог забыть тот скандал. И не то его возмутило, что жена ему неверна, а то, что про это все в офисе узнали. Вот именно, такой уж человек этот Барсуков, ему важно выглядеть всегда прилично, это и по одежде понять можно...

Ирина переоделась в рабочее – в голубую свободную униформу с логотипом фитнес-центра «Голубая лагуна». На логотипе пышная финиковая пальма заботливо склонялась над белоснежным коралловым атоллом, вокруг которого змеились розовые буквы названия.

Ирина уже второй год работала в «Голубой лагуне» массажисткой.

В свое время она окончила Институт физкультуры. Больших спортивных успехов не достигла, тренерская работа ее не привлекала, но на третьем курсе она освоила несколько систем массажа, что и обеспечило ей верный кусок хлеба на долгие годы.

Ирина закрыла свой шкафчик и направилась в массажный кабинет.

За окном снова завывала одиноким волчьим воем машина «Скорой помощи».

Ирина поморщилась.

Фитнес-центр был хороший, современный, прекрасно оборудованный, но был у него один большой недостаток – рядом с центром располагалась большая старая больница, куда в любое время дня и ночи приезжали машины «Скорой помощи».

Ирина была женщина простая и крепкая, одно слово – спортсменка, но сирена «Скорой помощи» отчего-то вызывала у нее крайне неприятные ощущения. Иногда от этих звуков у нее даже сердце замирало. Ирина проконсультировалась на эту тему с Леопольдом Львовичем, психотерапевтом, принимавшим своих клиентов здесь же, в «Голубой лагуне».

Леопольд Львович назвал ее страх каким-то мудреным иностранным словом и утешил, сказал, что со временем она привыкнет.

Время, как известно, все лечит.

Времени с тех пор прошло довольно много, но Ирина все никак не привыкала к постоянному завыванию сирены, сегодня же ей показалось, что сирена выла как-то особенно громко, тоскливо и страшно.

От ее завываний у Ирины мурашки побежали по коже и сердце тоскливо, болезненно заныло.

Ирина взяла себя в руки, сосчитала до десяти. Сирена затихла. Тогда она толкнула дверь и вошла в массажный кабинет.

На столе уже лежала первая клиентка. Она лежала на животе, до самой шеи накрытая простыней.

– Приветтики! – жизнерадостно проговорила Ирина, подходя к столу и растирая руки, чтобы они стали теплее.

Она считала, что настоящий массажист должен внушать своим клиентам здоровое отношение к жизни, как сейчас выражаются – выводить их в позитив. Поэтому она с ними не сюсюкала, не миндальничала, обращалась просто и жизнерадостно. Такой же была и ее манера массажа – сильная, грубая, энергичная. Никаких поглаживаний и похлопываний. Она даже обращалась к клиенткам на «ты», считая, что это делает их моложе и динамичнее.

– Молодец, подготовилась уже! – похвалила Ирина клиентку.

Та не ответила и вообще никак не отреагировала на появление массажистки. Может, задремала, пока ждала?

Ирина подошла к столу, сдернула простыню.

Клиентка и сейчас не шелохнулась.

– Ты спишь, что ли? – осведомилась массажистка. – Просыпайся, во сне массаж плохо действует!

И снова женщина не шелохнулась.

Ирина покачала головой, протянула руки, чтобы начать предварительное разминание мышц...

Но что-то ее остановило.

С клиенткой определенно что-то было не так. Ирина даже не могла точно сказать, что именно, но только у нее опять побежали по коже мурашки.

– Эй, ты чего? – вполголоса окликнула она клиентку.

Но та опять не шелохнулась.

И тут Ирина заметила кровь на простыне, которой был застелен массажный стол. Что это была именно кровь, Ирина определила сразу, в свое время достаточно навидалась травм, когда спортом занималась. И практика у них была, когда училась, в больнице, в травматологическом отделении.

Ирина была женщина крепкая и выдержанная, не склонная к истерикам, нервным припадкам и прочим дамским штучкам. Короче, кричать и падать в обморок она не стала.

Еще на первом курсе Института физкультуры ее научили оказывать первую помощь при различных несчастных случаях – утоплении, поражении электрическим током, падении с высоты и других подобных неприятностях. Она освоила приемы искусственного дыхания, закрытый массаж сердца и прочие необходимые навыки. Правда, прежде чем оказывать помощь, следовало убедиться, что жертва еще жива.

Очень осторожно Ирина проверила пульс на запястье клиентки. Пульса не было. Тогда она проверила пульс на шее. Там пульс тоже не определялся. Больше того – клиентка уже начала остывать, чуткие Иринины руки массажиста это заметили.

Проверяя пульс на шее, Ирина увидела лицо бездыханной клиентки. Лицо это было перекошено, глаза выпучены от ужаса...

На что Ирина была выдержанна и устойчива – даже у нее при виде этого лица невольно защемило сердце.

Что могло так испугать эту несчастную женщину? Тем более довольна молодая и по виду здоровая... Была.

Но Ирина все же взяла себя в руки. Сейчас не время поддаваться эмоциям...

Убедившись, что первую помощь оказывать поздно, Ирина отступила на шаг от массажного стола. Если клиентка мертва – значит, нужно ничего не трогать и немедленно вызывать полицию.

Тут Ирина задумалась.

Персонал «Голубой лагуны» неоднократно предупреждали, что в случае любой нештатной ситуации не следует сразу вызывать полицию, МЧС и прочие серьезные службы. Сначала нужно уведомить о происшествии руководство центра, то есть его хозяйку Алису Карловну.

Но Алиса была женщина скандальная, взбалмошная и непредсказуемая, и от нее можно было ждать любых неприятностей.

Не то чтобы Ирина ее боялась, но лишних неприятностей и нервовтрепки она не хотела, поэтому решила в первую очередь сообщить о происшествии охраннику Константину, бывшему полицейскому, у которого с хозяйкой были свои особые отношения.

Она вышла из массажного кабинета, нашла Константина (он, как всегда, пил кофе в буфете и болтал с буфетчицей Светочкой) и позвала его к себе.

По серьезному тону Ирины и выражению ее лица Константин понял, что случилась какая-то неприятность.

Не задавая лишних вопросов, он прошел за ней в массажный кабинет, увидел клиентку, молча проверил ее пульс, повернулся к Ирине и проговорил:

– Тебе сколько раз говорили, чтобы мягче работала? Доигралась со своим силовым массажем!

– Костя, ты что подумал? – перебила его Ирина. – Я к ней еще даже не прикоснулась! Я только пришла – а она уже такая! Можешь на спину ее посмотреть – еще никаких следов массажа! Я ее даже маслом еще не намазала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.